

Василий Брюхов
Василий Крысов
Дмитрий Лоза

ТАНКИСТЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ!

Василий Крысов

На самоходке против «Тигров»

«Яуза»

Крысов В. С.

На самоходке против «Тигров» / В. С. Крысов — «Яуза»,

Лучшие мемуары танкистов Великой Отечественной. Откровенные воспоминания советских танковых асов. Они воевали на самых разных машинах – Т-34 и КВ, СУ-122 и СУ-85, «Матильдах» и «Шерманах». Они уничтожили более полусотни единиц вражеской бронетехники и сами много раз горели в подбитых танках. Они с боями прошли от Москвы до Берлина, Праги и Порт-Артура. Они победили!

© Крысов В. С.

© Яуза

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Часть вторая	19
Глава третья	19
Глава четвертая	43
Глава пятая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Василий Крысов

На самоходке против «Тигров»

Часть первая

СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ

Глава первая

ВЧЕРАШНИЕ ШКОЛЬНИКИ

22 июня 1941–1 июля 1942

Так начиналась война...

Прошло уже больше полвека, как отгремели последние залпы войны, войны самой беспощадной, жестокой, кровавой; многие миллионы наших воинов полегли на полях сражений на своей земле и в чужеземных странах; реки слез были пролиты в семьях погибших, плакали матери, жены, дети, сестры, невесты, но разве можно утешить убитых горем родных и близких?!!

А мы воевали...

Мне довелось участвовать в боях под Сталинградом, в Курской битве, в битве за Днепр, освобождать Украину, Литву, Польшу и Восточную Пруссию. Сначала я был командиром тяжелого танка КВ-1С, затем командовал взводом и батареей самоходных артиллерийских установок СУ-122, их сменили самоходки СУ-85, и закончил я войну командиром роты танков Т-34-85.

А начиналось все так.

Выпускной вечер в нашей Истобенской средней школе Оричевского района Кировской области проходил в канун войны – 21 июня 1941 года. Хотя ходили упорные слухи, что вот-вот начнется война, но об этом как-то не думалось, взволнованные окончанием школы, расставанием с друзьями, веселые, жизнерадостные, беззаботные, мы до утра танцевали, гуляли по высокому берегу Вятки. Не хотелось расходиться, все ощущали, что момент этот уже никогда не повторится. А в полдень яркого воскресного дня 22 июня мы узнали, что началась война.

Уже на следующий день в девять часов утра все ребята нашего класса осаждали двери райвоенкомата. Группа из тридцати выпускников Истобенской и Оричевской средних школ получила направление в Челябинское танковое училище. Ехали счастливые и гордые, с песнями, ведь все мы – без исключения! – были уверены, что Красная Армия всех сильнее и наши границы на замке, воевать будем только на чужой территории! То есть думали так, как много лет учили нас партия и правительство. Можно ли было даже предположить, что в это время на нашу западную границу уже обрушилась армада из 170 отборных дивизий, четырех танковых групп и четырех воздушных флотов, что они уже движутся по нашей земле, нанося сокрушительные удары по войскам Красной Армии, которым, как оказалось, было запрещено даже принимать боеготовность номер один.

В Челябинском танковом училище

В Челябинское танковое училище мы прибыли в середине июля сорок первого года. Курсантский состав оказался очень разнородным и по образованию, и по возрасту. Более половины нашего курса составляли люди с высшим образованием: инженеры, преподаватели, директора школ, артисты, агрономы, а также сержанты, уже участвовавшие в боях, и курсанты второго курса Казанского танкотехнического училища.

Распорядок дня был очень напряженный. Трехлетняя программа обучения была сжата до одного года, так как Кировский завод в Челябинске начал серийный выпуск тяжелых танков KB-1С, а танкистов, которые могли бы на них воевать, не хватало. Изучали боевую технику, вооружение, средства связи, топографию, тактику, правила стрельбы и многое другое. Мы, вчерашние школьники, и курсанты с высшим образованием учились на равных, так что на учениях и занятиях приходилось изо всех сил состязаться с остальными сокурсниками. Мы брали упорством и цепкой молодой памятью. Но и те, и другие занимались, что называется, в поте лица.

Военное время сказывалось во всем. Кормили нас очень скромно. Вроде хороший паек был по тому времени, и норма нам выдавалась, но мы ведь еще росли и нам не хватало, мы все время добавки просили.

Форма курсанта была простая. Тогда погоны еще не ввели, на воротниках гимнастеров у нас были петлицы продолговатые из черного сукна и маленькие металлические эмблемы танков. На ногах – ботинки с обмотками. Вот команда: «Подъем!» За три минуты тебе нужно одеться, намотать обмотки и встать в строй. А нары в казарме двухъярусные, а еще темно, а обмотки, каждая два метра длиной – и должен успеть!

Физически нас хорошо закаляли. В ту зиму морозы стояли до сорока – сорока пяти градусов, а мы в нательном белье на зарядку бежали – и не болели!

Среди преподавателей были фронтовики, но они мало что рассказывали, а подходить специально с этим вопросом, расспрашивать мы стеснялись. Думаю, они не рассказывали потому, что нельзя было рассказывать. Скажи не то слово – контрразведчики тут сразу.

Вначале командиром взвода был лейтенант Максимов Иван Гурьевич, командиром роты – Горшков, лейтенант тоже. Командир батальона – Бойко. Толковый был мужик, молодец, требовательный. Присказка у него была, когда видел, что устали мы или приуныли: «Ест солдат солтому, а хвост трубой!»

Зато не облегчал нашу жизнь ротный старшина Толкачев. Это был очень несправедливый, грубый, непорядочный человек. Маленький, ниже среднего роста, конопатый, а злые глаза, казалось, прожигали ненавистью. Грубость его граничила с издевательством. Такие, прикрываясь воинской дисциплиной, не знают удержу в глумлении над подчиненными, но, чуть что, празднуют труса. Что и доказал Толкачев, не явившись на выпускной вечер: видимо, опасался, что бывшие курсанты его изобьют, а назавтра уедут на фронт, и тогда ищи-свищи виноватого. Может, так и случилось бы, но в тот вечер Бог миловал нас от встречи с этой отвратительной особью рода человеческого. Удивительно, но этот никчемный тип молниеносно рос в званиях: в 1946-м я оказался в Челябинске и, естественно, зашел в училище, где встретил этого вояку уже майором.

Изучали мы KB – тяжелый танк, тогда уже вышел KB-1С. Но параллельно касались «тридцатьчетверки». Лазили и в трофейные танки Т-III, Т-IV. На все училище у нас было два KB и две «тридцатьчетверки», поэтому вождением мы в основном на тракторе занимались. Практики было мало, потому что не было такой возможности, за год учебы, суммарно, практики вождения у меня было не более пары часов – 120 мотоминут.

Стреляли мы тоже не боевыми снарядами, а через вкладной ствол пулями или из спаренного пулемета ДТ по пушечной шкале.

Обучение тактике, например, так проходило. Выходит взвод на учения. Взводный командует флагами:

– Пешим по танковому! – и пошли в поле.

А почему «пешим»? Во взводе – три танка. Но танков-то нет! Вот и делится взвод на три экипажа, взводный дает команды флагами, и мы вместо танков боевые порядки принимаем: «линия», «уступом вправо», «уступом влево», «углом назад», «углом вперед».

Учили тактике борьбы с немецкими танками. Главное: определять дистанцию правильно и вести огонь – сразу на поражение! В артиллерии – там «широкая вилка», «узкая вилка», а у танков боекомплект небольшой был, поэтому учили нас сразу на поражение бить и, конечно, соображать, куда бить: в борт корпуса, в тыл башни – если башню у танка заклинит, то он уже небоеспособен. А чтобы быстрее вывести из строя вражеский танк, то огонь «в обрез», то есть по гусенице фугасным снарядом, и «в лоб» – бронбойным по башне.

Надо сказать, что стрелял я на «отлично» и закончил училище с круглыми пятерками. Тогда, правда, это преимуществ никаких не давало, не до того было. Нас готовили на командира танка. Тогда нужно было как можно больше командиров, потеряли ведь командный состав в первые же дни, недели войны, а до того Сталин постарался.

За все время учебы не было ни одного увольнения в город, гражданского населения мы, по существу, не видели. Такова была ситуация сорок первого – сорок второго годов и наше к ней отношение: чем больше немцы продвигались, тем интенсивнее относились к занятиям. Знали, что надо Родину спасать.

О поражениях, больших потерях сорок первого года мы не знали, это было сокрыто, как и то, что немцы имеют преимущество в живой силе и боевой технике. Знали, что заняли такой-то город, и то не обо всем нам говорили. Был у нас комиссар батальона старший политрук Пепеляев, он политинформации проводил, называл тех, кто отступал: «Паникеры! Труссы!» Погиб он потом, этот Пепеляев. И комбат наш Бойко погиб.

Чем труднее складывалась обстановка на фронтах, тем усерднее постигали военную науку курсанты. Занимались по 14–16 часов в сутки, спали мало, но зато через полгода учебы мы могли самостоятельно водить танки и научились стрелять из пушек и пулеметов. Неимоверно трудно давалась стрельба с ходу! Танк мчится на больших скоростях по пересеченной местности, его подбрасывает на кочках, ухабах, в прицеле видно то землю, то небо, а нужно быстро отыскать цель, взять ее на вертикальный волосок шкалы прицела, уловить момент подхода угольника прицельной марки к цели – и именно в это мгновение нажать на спуск!

Я и теперь с большой благодарностью вспоминаю командиров и комиссаров училища, которые дали нам хорошую боевую выучку, физическую и моральную закалку.

«Поздравляю, товарищ лейтенант!»

20 июня начались выпускные экзамены по всем предметам, включая строевую подготовку и даже штыковой бой. Но, естественно, первым сдавали «марксизм-ленинизм». На этом экзамене мне запомнился нестандартностью ответов курсант нашего взвода Иван Никифорович Жолудев. В мирной жизни он был кандидатом лесотехнических наук, даже имел печатные труды, но был еще и смелым человеком. На экзамене он поспорил со старшим полковым комиссаром по поводу Брестского мира и позиции левых коммунистов.

– Откуда вы это знаете? – спросил комиссар.

– Не обязательно быть в Париже, чтобы знать, что Париж существует.

Нас его свободные высказывания всегда удивляли, не принято да и небезопасно было возражать начальству, особенно по политическим вопросам.

Еще мне хорошо запомнился курсант Шумилин, бывший артист Казанского драмтеатра. Даже на экзамене по строевой подготовке поворот кругом он делал непременно через правое плечо, а движение вперед начинал исключительно с правой ноги. Шумилин и на других занятиях и экзаменах не блистал, вечно все путал. Возможно, он делал это умышленно, не хотел быть командиром, чего и добился – на выпуске получил «старшего сержанта».

Наконец настал долгожданный день выпуска. Утром 1 июля, сразу после завтрака, ротный каптенармус (помощник старшины) ефрейтор Рябов выдал нам новое командирское обмундирование: ремни, пилотки и кирзовые сапоги.

В 12.00 в новеньких командирских формах мы выстроились на плацу. На торжественном построении присутствовало все руководство и командование батальонов во главе с начальником училища полковником Наумовым, он возглавил училище после ранения, на фронте ему оторвало правую руку. Начальник огневого цикла майор Казиевский зачитал приказ наркома обороны о присвоении курсантам офицерских званий и пофамильные списки распределения выпускников по фронтам. В итоге напряженной военной учебы половина курсантов получила воинское звание «лейтенант», сорок пять процентов – звание «младший лейтенант», остальные – «старших сержантов». Я получил звание лейтенанта и в должности командира тяжелого танка КВ-1С направлялся на Юго-Восточный фронт, позднее переименованный в Сталинградский.

Церемония присвоения офицерского звания происходила очень торжественно. Называлась фамилия. Духовой оркестр играл туш, и курсант, чеканя шаг, выходил из строя и останавливался перед начальником училища. Оркестр смолкал. Майор Казиевский зачитывал строки из приказа наркома обороны о присвоении такому-то такого-то воинского звания и впервые, вместо привычного обращения «курсант», звучали сладостные для каждого из нас слова:

– Поздравляю, товарищ лейтенант, с присвоением первого офицерского звания! – и пожимал руку.

После чего полковник Наумов вручал новообращенному командирское удостоверение личности и тоже говорил:

– Поздравляю, товарищ лейтенант! – и мы понимали, что сейчас, перед отправкой на фронт, этим командирским удостоверением он, фронтовик, участвовавший в боях, как бы передает нам, еще не обстрелянным, вчерашним школьникам, эстафету и свое благословение, каждый чувствовал это очень остро.

Четко исполнив поворот кругом, молодой командир, опять под туш духового оркестра, возвращался в строй.

Получившие звание лейтенанта возвращались радостные, остальные – унылыми, вроде обиженными, мол, несправедливо их обошли. Зато курсанты 4-го взвода нашей роты все поголовно стали лейтенантами, экзамены они сдали лучше всех, так как до Челябинска закончили два курса военного училища в Казани.

До отправки на фронт нам предоставили сутки отпуска и выдали по 600 рублей – первую авансовую получку! Радостные и гордые, мы отправились в город фотографироваться и, по возможности, купить что-нибудь на выпускной вечер. Буханка хлеба на рынке стоила 200 рублей, так что особенно не разбежишься. Затем писали письма домой, друзьям, девушкам.

В восемь часов собрались в столовой на прощальный ужин. Естественно, в меру выпили, отмечая выпуск, командирские звания и расставание с сокурсниками – все разъезжались по разным фронтам; а потом в клубе смотрели концерт.

Через день наша группа из пятидесяти человек пассажирским поездом выехала на Саратов.

На пути к фронту

В Саратове мы сразу столкнулись с неприятностями. Во-первых, немцы начали бомбить город и мост через Волгу, соединяющий Саратов с Энгельсом. В городе началась паника! Бежали кто куда, и тут, воспользовавшись общей сумятицей, какой-то диверсант на ходу выстрелил из толпы ракетами в направлении моста, дав целеуказание вражеским летчикам. Попасть в мост люфтваффовцам все же не удалось, но одну баржу возле моста они потопили.

После бомбежки мы пошли обедать в гарнизонную столовую, и тут выяснилась вторая неприятность. Кормить нас отказались, так как старший группы – сопровождавший нас лейтенант из штата училища, забыл взять продовольственный аттестат и тем обрек нас на голодное существование. Некоторые предлагали обыскать лейтенанта, говоря, что не мог он забыть аттестат, мы отлично помнили, что на вокзале Челябинска провожавшее нас руководство училища справлялось у лейтенанта, все ли документы взяты. Большинство сочло обыск унижительным для себя, и пришлось нам до самого Сталинграда выкручиваться самим: продавали и обменивали на хлеб у кого что имелось – мыло, новое нательное белье, часы.

До Камышина ехали товарным поездом, часто останавливаясь из-за разбомбленных железнодорожных путей. На станции Паницкая поезд простоял долго. Здесь нас поразила преступная дикость властей. Рядом горел очень большой элеватор, но часовой не подпускал голодных жителей к горевшему зерну. Так распорядились власти: пусть сгорит, но жителям не дадим! Мы всей группой пошли к элеватору и набрали в полы шинелей много пшеницы. По командирам часовой стрелять побоялся. Уже в пути раздобыли ведра и варили добытую пшеницу, получалось нечто вроде каши, ею и питались до самого Камышина.

В Камышин прибыли ночью. В наш освободившийся эшелон сразу начали грузить раненых. Мы прошли через весь город. Увиденное всех потрясло. Город часто бомбили, и он был переполнен ранеными, а тела умерших валялись прямо на улицах. В промежутках между разрывами бомб слышались слабые голоса моливших о помощи. Медперсонала было мало, раненые сутками лежали на земле без перевязки, даже напоить их было некому. Перед нами впервые открылось истинное лицо войны, и впечатление это произвело очень сильное.

К рассвету мы вышли на южную окраину города и двинулись в заданном направлении. Тогда еще не было железной дороги Камышин – Сталинград, и шли мы пешком, через казачьи станицы и села бывшей республики немцев Поволжья. Поражали благоустройство, чистота, рациональность хозпостроек и полей. Первая ночевка была в селе Гусенбах, там мы хорошо, без бомбежки, спали.

Шли мы очень быстро, останавливаясь только возле ключей, чтобы напиться. Вражеские истребители начали нас преследовать, поэтому мы заблаговременно высматривали места для укрытия. В станицах нас встречали по-разному, но неукоснительно, если просились переночевать, требовали справку от коменданта, а комендатуры, как правило, находились километрах в пятнадцати. Поэтому мы шли в поле и укладывались в стогах сена или скирдах соломы. Но в поле поспать как следует не удавалось. Тем летом было настоящее нашествие крыс и мышей! Видимо, их будоражил гром бомбежек. Всю ночь приходилось сбрасывать с себя этих назойливых тварей и еще нужно было сберечь остатки «пшеничной каши», чтобы грызуны не проникли под доски, которыми мы закрывали ведра. Последние дни питались семечками, набирая полные карманы из арб, едущих на пункты сдачи. Казачки были очень ласковы и не ругались, может, потому, что многие командиры были симпатичными, а может, жалели нас, понимая, что идем мы на смертный бой и многим не суждено вернуться.

От Камышина до Сталинграда мы прошли за шесть суток и без потерь, хотя обстрелы и бомбежки настигали нас по несколько раз на день.

Глава вторая

В БОЯХ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Август 1942 – январь 1943

Командир тяжелого танка

В отделе кадров Юго-Восточного фронта нас, новичков, быстро распределили по частям и соединениям. Николай Давыдов, Миша Мардер и я – в училище мы были в одной роте, попали в 158-ю отдельную тяжелую танковую бригаду. Ко времени нашего прибытия бригада находилась на станции Кривомузгинская недалеко от Калача-на-Дону. Бригада уже участвовала в боях, отступая от Волчанска, где вела тяжелые бои с танковым корпусом, потеряв 41 танк и половину личного состава, зато 40-й немецкий танковый корпус потерял 85 танков и много живой силы.

Мы с Мардером оказались в одном взводе. Экипаж хорошо нас встретил. Командовал взводом опытный фронтовик младший лейтенант Матвей Серов. В то время в экипаже тяжелого танка было два офицера, в моем танке вторым офицером был механик-водитель младший лейтенант Талаш Сафин, по национальности башкир. Мы его звали просто Толя. Толя, как и я, прошел ускоренный годовой курс в Челябинском танковом училище (их выпустили чуть раньше), поэтому за механика-водителя можно было не беспокоиться. Наводчиком был сержант Виктор Белов, заряжающим – младший сержант Михаил Творогов, он же мог быть и вторым водителем; радистом-пулеметчиком был младший сержант Николай Орлов. Все члены экипажа – молодые, сильные ребята, но все из последнего пополнения, еще не участвовали в боях. Младший, сержантский, состав экипажа прошел только трехмесячную подготовку в учебном танковом полку в том же Челябинске, имел явно недостаточно практики вождения танка, как и опыта в стрельбе.

Танки нам дали КВ-1С, прошедшие капитальный ремонт на Сталинградском тракторном заводе. Танки КВ-1С имели 75-мм лобовую броню и 50-мм бортовую, мы уже знали, что немцы, используя подкалиберные и кумулятивные снаряды, пробивают броню КВ с расстояния 1000 метров. В мае, к концу обучения, к нашему училищу привезли два сгоревших КВ, мы тогда внимательно осмотрели пробитые отверстия и поняли: в бою экипаж должен действовать молниеносно, автоматически, чтобы первым же выстрелом упредить врага. Поэтому сейчас, в оставшееся до боев время, экипаж отрабатывал взаимозаменяемость, проштудировал все регулировки и способы устранения неисправностей, действия при орудии во время боя, ведение огня при движении и с коротких остановок.

24 июля танки уже стояли в хорошо замаскированных окопах на южной окраине Калача-на-Дону. Немцы постоянно бомбили район расположения корпуса, бомбили безнаказанно, единственная зенитная батарея не могла прикрыть все войска и главную переправу через Дон. За июль-август в небе не появилось ни единого нашего истребителя, мы видели в воздухе только У-2, солдаты называли их «кукурузниками», а немцы бросали издевательские листовки: «Вчера обер-ефрейтор Ганс Мюллер сбил кирпичом русский самолет». От проходивших мимо подразделений мы знали, что наши войска отступают по всему фронту, только что был оставлен Ростов-на-Дону, и опять с неба на нас посыпались листовки с виршами от ведомства Гейбельса: «Ростов – на Дону, Саратов – на Волге, я тебя не догоню – у тебя ноги долги». Издевались, мерзавцы, не зная, какое грядет возмездие.

Чтобы не дать немцам захватить главную переправу в большой излуине Дона и тем создать самый близкий к Сталинграду плацдарм, командование Красной Армии решило нане-

сти мощный контрудар вдоль правого берега Дона на север. На базе 38-й армии за одни сутки была создана 1-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта Москаленко, в которую вошла и наша 158-я бригада.

На рассвете 25 июля наши войска перешли в наступление. С ходу атаковали разведотряд противника и отбросили его от переправы. Немцы поспешно отступили в рощу, чтобы оторваться от наших войск. Танки бригады рассредоточились на небольшой высоте и замаскировались. Через приборы наблюдения хорошо просматривалось поле боя. Но команды переходить в наступление не поступало.

Минут через десять фашистская авиация начала наносить бомбовые удары. Порядка трех десятков бомб было сброшено и на нашу бригаду. Группы по 40–50 самолетов сбрасывали 250-килограммовые авиабомбы и уходили на очередной круговой заход. наших самолетов в небе опять не было. Мощные взрывы сотрясали землю, выбрасывая с пламенем взрыва целые гейзеры грунта. На северной окраине Калача горели дома и машины. Танки корпуса с мотопехотой вели бои уже вблизи от рощи. У противника в этой роще были хорошо оборудованные позиции, а наши наступали по открытой местности. Но тут с фланга в рощу воткнулся батальон наших танков Т-70 с батальоном мотострелков. Сгорело по несколько танков с той и другой стороны, но перевес сил качнулся в нашу пользу. Однако полностью овладеть рощей наши смогли только к исходу дня: по вражеским позициям нанесла массированный удар артиллерия 1-й танковой армии, и немцы отошли на север.

В результате ожесточенного боя в районе рощи противник потерял 12 танков сгоревшими и 20 подбитыми; было уничтожено большое количество орудий и пулеметов, много полегло и живой силы от штыкового удара 32-й мехбригады. Наши потери тоже были очень велики.

На рассвете 26 июля наши войска завязали бои на рубеже высота 174.9 – село Ложки – совхоз «10 лет Октября». Здесь у противника сосредоточилась крупная группировка, и за ночь они успели хорошо оборудовать оборонительные позиции, к тому же по нашим наступающим войскам наносила мощные бомбоштурмовые удары авиация, применяя авиапушки и противотанковые бомбы. Сгорели два танка Т-70. Наступление затормозилось.

Наша танковая бригада в боеготовности номер один продвигалась в полтора километрах за боевыми порядками корпуса и в бой все еще не вступала. За нами шли малочисленные похоронные команды, не успевая рыть братские могилы и хоронить погибших. Июльская жара делала свое дело, сильно ощущался трупный запах. В башне было душно даже с включенными вентиляторами и открытыми люками, только при движении вентилятор двигателя слегка продувал боевое отделение. Людей мучила жажда, при любом удобном случае экипаж заполнял фляжки холодной водой. Нервы у всех были напряжены до предела! Второй день мы лишь наблюдали через бинокли и приборы, как на ровной придонской степи наши товарищи ведут сражение с врагом! Поле боя часто закрывалось разрывами бомб и снарядов, дымом горевших хлебов, но было видно, как то здесь, то там вспыхивают наши танки, замирают подбитые машины, превращаясь в лакомые для врага неподвижные мишени! А мы все ждали своей очереди вступить в схватку с врагом! Ведь для каждого из нас предстоял его ПЕРВЫЙ БОЙ! Для тренировки и чтобы как-то отвлечь людей, дал команду:

– Отыскивать цели и докладывать по ТПУ¹ всему экипажу!

Войска понесли большие потери, но село Ложки и совхоз взять не смогли. Позднее мы узнали, что 56-я и 55-я танковые бригады потеряли 57 танков. Около половины сгоревших и подбитых танков были «тридцатьчетверки».

На рассвете 27 июля услышали в наушниках голос комбрига: «Буря 333!» – код атаки! В небо взвилась серия зеленых ракет! Взревел мотор, и наш КВ двинулся на врага. В атаке были задействованы две танковые бригады, стрелковый полк, мехбригада и наша тяжелая тан-

¹ Танковое переговорное устройство. – Здесь и далее все примечания принадлежат автору.

ковая бригада, наступающая в центре боевого порядка. Еще не развиднелось, поэтому нас не бомбили, и танки медленно, опасаясь минных полей, продвигались на север. Левее, метрах в тридцати, шли машины командира взвода Матвея Серова и Миши Мардера, справа наступал танк лейтенанта Назарова. Огонь пока не вели, рассчитывая на внезапность удара. За нами, держа винтовки на изготовку, продвигался стрелковый полк.

До вражеских позиций оставалось километра полтора, начинало светать, и мы уже могли рассмотреть контуры деревьев и домов совхоза. Немцы огонь тоже не открывали, видимо, сэкономили боеприпасы. Экипаж волновался в ожидании боя, хотелось скорее ударить по врагу, прервать тягостную неопределенность, вот уж правда: хуже нет – ждать да догонять! Люди жадно припали к приборам наблюдения, наводчик Витя Белов и заряжающий Миша Творогов закурили «козьи ножки» – быстро же научились у «стариков» ловко, через мизинец, закручивать курево. По машине поплыл запах махорки. От врага нас отделяло уже около километра, и немцы, разглядев, что наступает множество танков, открыли шквальный огонь: одновременно ударили танковые, противотанковые, полевые и даже зенитные орудия! Перед фронтом наступления мгновенно взметнулись сотни разрывов, загремела канонада, заколебалась донская земля! Стреляли немцы очень метко! Еще бы – их экипажи и орудийные расчеты имели многолетний боевой опыт, начиная с боев в Испании в тридцать шестом, а затем захватывая страны Европы и Африки. Один снаряд взорвался метрах в двадцати впереди танка! Почти сразу рикошетом по левому борту ударил второй, нашу 47-тонную машину тряхнуло, пламя разрыва осветило боевое отделение – казалось, танк горит! Но члены экипажа не двинулись со своих мест, никто не хотел показать, что испугался, все с напряжением ждали моей команды. Я видел пламя выстрела орудия, но саму хорошо замаскированную пушку не разглядел, потому дал команду водителю:

– Толя! Давай зигзагами! – И наводчику с радистом: – Виктор, Николай! Пулеметами, по орудийной прислуге! Огонь!

Танк увеличил скорость и начал рыскать по полю, резко маневрируя, не давая вражеским наводчикам произвести прицельные выстрелы. Рикошетные удары продолжали сыпаться по правому и левому борту, не причиняя, однако, серьезных повреждений корпусу, машина продолжала мчаться на вражеские пушки! Все наши танки вели огонь из пушек и пулеметов с ходу и с коротких остановок, огненные языки вырывались из стволов орудий, прочерчивали поле боя трассирующие пулеметные очереди. Немцы почувствовали себя не совсем уютно при виде надвигающейся лавины танков, меткость их стрельбы значительно упала, и мы реже чувствовали рикошетные удары. До села осталось метров пятьсот, скомандовал экипажу:

– Толя, за холмом стой! Виктор! Прямо под деревом пушка! Осколочным, прицел шесть! Огонь!

– Осколочным готово! – отозвался заряжающий.

Снаряд взорвался чуть ближе цели.

– Прицел семь! Огонь! – скорректировал наводку.

Фашистское орудие смолкло и, видно, навечно!

– Толя! Зигзагами, на максимальной! Вперед!

Чтобы осмотреться, мгновенно крутанул головку перископа. Справа горело два танка. Слева встал танк взводного Серова, я понял, что он подорвался на mine, так как командир открыл люк и бросил вперед дымовую гранату, имитируя горение машины. Танк Миши Мардера, как и наш, зигзагами летел на пушки врага. По нашему танку уже било второе орудие, замаскированное в сарае. Пока мы дошли до вражеских траншей, немцы успели нанести нам три рикошетных удара. Один снаряд попал в запасной 90-литровый масляный бак, прикрепленный стяжками на левом подкрылке. Пламя охватило всю левую часть моторно-трансмиссионного отделения.

– Толя, дави пушку! – скомандовал механику, а сам схватил огнетушитель и, высунувшись в люк, задавил пламя. До сарая с пушкой оставалось каких-то пятьдесят метров! – Виктор, поверни пушку назад! – скомандовал наводчику.

Меньше чем через минуту танк сильно качнуло, и под днищем раздался сильный металлический скрежет раздавленного орудия. Разбрасывая бревна и доски, наш танк протаранил сарай насквозь!

– Толя! Развернуть кругом! – приказал водителю. – Прикроем танк взводного!

С громовым: «Урр-а-а!» – уже шла в штыковую наша пехота. И немцы дрогнули, не приняв штыкового боя, стали отходить на северную окраину села по ходам сообщения, бросая гранаты с длинными деревянными ручками и прикрываясь пулеметным огнем. Навсегда запомнилось, как шли цепи наших атакующих солдат: штыки винтовок тускло блестели в лучах утреннего солнца, в рядах атакующих были и автоматчики – короткими очередями они били по вражеским окопам, приближаясь к траншее. Когда наша пехота подошла к вражеской позиции, из окопа с поднятыми руками вылезло лишь трое солдат.

Немцы, хотя и оборонялись, потери понесли очень значительные, больше, чем наши. Но и для нас атака стоила дорого: несколько десятков пехотинцев было убито и не менее ста человек получили ранения.

Только затих бой, к нам подошел танк командира взвода Серова. Они действительно подорвались на mine, но быстро восстановили разорванную гусеницу с помощью запасных траков и простого приспособления с биологическим названием «паук». Следом подошел и танк комбрига, остановился за кирпичным домом. Из танка вылез полковник Егоров. Увидев пленных, комбриг решил допросить их:

– Давайте этих в дом и вызовите сюда лейтенантов Мардера и Крысова.

Пленных завели в избу. Явились и мы с Михаилом. С полковником мы были уже знакомы. Когда мы прибыли в бригаду, он беседовал с нами, хотел разобраться, насколько мы знаем техчасть и вооружение танка, правила стрельбы. Удовлетворенный нашими ответами, неожиданно спросил:

– Лейтенант Мардер, скажите, насколько схожи немецкий и еврейский?

– Почти ничего общего, товарищ полковник, но многие слова близки по произношению. В училище мы с лейтенантом Крысовым самостоятельно изучали немецкий, считая, что может пригодиться на фронте при допросе пленных. – Миша, конечно, поскромничал, по-немецки он говорил вполне свободно, с легким грассированием, характерным, как он пояснил, для берлинского диалекта.

Теперь, увидев пленных, полковник, видно, вспомнил тот разговор.

Из троих сдавшихся старшим по возрасту и воинскому званию был ефрейтор Шульц, он сразу сказал:

– Господин полковник, мы сами сдались. Я из Саксонии, не хочу воевать. Это мои земляки, крестьяне, они тоже не хотят воевать за фюрера. Господин полковник, если мы будем говорить правду, вы сохраните нам жизнь? У нас дома жены и дети.

Комбриг получил от пленных много ценных сведений, так как Шульц был связным командира батальона и, находясь при штабе, многое знал. Затем их отправили под конвоем в штаб корпус с сопроводительной запиской, в которой Егоров просил начштаба Пошкусса сохранить этим пленным жизнь.

Противник меж тем усилил артиллерийский огонь. Налетела и авиация. С водонапорной башни прямо по нашему взводу били три вражеских пулемета. Серов дал команду на уничтожение. Мы произвели по одному выстрелу бронебойными снарядами, и пулеметы смолкли.

Вскоре вражеская авиация приостановила бомбардировку, так как наши части вплотную подошли к немецкой обороне. Командование корпуса, произведя перегруппировку, нацелило нашу бригаду на совхозную ферму, в которой находилась главная танковая группировка про-

тивника. А 55-я танковая бригада с пулеметным батальоном начала обходить совхоз с востока. Бой был ожесточенный, но скоротечный. У немцев были легкие танки Т-III и средние Т-IV, у нас – КВ, Т-34 и, еще треть, – Т-70, последние своими слабыми 45-мм пушками могли успешно действовать только против пехоты и артиллерии. В нашем направлении быстро приближался танк Т-IV.

– Бронебойным! По танку в створе трубы! Прицел постоянный! С короткой остановки! Огонь! – скомандовал одновременно заряжающему, наводчику и водителю.

– Бронебойным готово! – доложил Михаил.

– Дорожка!²– выкрикнул Толя и остановил танк.

– Выстрел! – доложил наводчик и нажал на спуск.

Лишь на долю секунды немец-наводчик опередил нас, и его снаряд ударил в лоб нашего танка. Машину тряхнуло, полыхнул пламенем взрыв, яркой вспышкой осветив боевое отделение.

– Смотрите за разрывом нашего снаряда! – скомандовал по ТПУ, чтобы отвлечь экипаж от неприятного ощущения, будто мы горим, а в душе низко кланяясь конструкторам и рабочим Челябинского танкового завода: они экранировали лоб нашего танка до 105 мм, а то бы гореть нам синим огнем!

Я чувствовал себя так, будто я на учениях! Пока не врезали первый, второй раз! Но немецкие пушки не пробивали нашу 75-мм броню – и мы использовали это сполна!

Экипаж Серова тоже сжег танк. Миша Мардер расправился с бронетранспортером. Тем временем наша пехота дом за домом овладевала совхозным поселком. Затем, уже общей решительной атакой, не давая противнику опомниться, захватили и село Ложки.

28 июля развернулись ожесточенные бои возле населенного пункта Липологово. Здесь сконцентрировалась крупная группировка врага, к тому же занимавшая очень выгодные позиции: на гряде небольших высот, разделенных глубокими, недоступными для танков оврагами. Взятие этого рубежа досталось нам большими потерями. В корпусе осталось порядка тридцати танков, наша бригада тоже потеряла половину состава. Командование корпуса приняло экстренные меры: прибыло большое пополнение танков, а также стрелковая дивизия и два полка реактивных минометов «катюша».

29 июля соединения корпуса, отбивая несколько контратак, готовились к нанесению ответного удара.

Перед началом наступления дали два полковых залпа «катюши». Многие экипажи впервые видели стрельбу «катюш», и восхищению нашему этим летящим на врага смертоносным смерчам не было предела! Мы понимали, что они наносят большие потери врагу, хотя тогда и не знали, что один залп полка бросает 576 мин весом 18,4 килограмма. От такого огненного урагана в стане врага началось всеобщее, поголовное бегство! Побросав всю боевую технику, немцы кинулись в укрытия! Чем мы не замедлили воспользоваться! Рванулись вперед и беспрепятственно захватили порядка 30 целехоньких танков Т-IV – машины стояли без экипажей, с работающими двигателями! Было взято и много орудий, минометов, бронетранспортеров, автомашин. Всю эту технику мы перетащили в село Ложки.

Спohватившись, противник открыл сильный огонь из орудий и минометов со второй и третьей линий обороны. Подключились и «юнкеры»: накатывая волнами по 20–30 самолетов, начали бомбить наши порядки.

Бои на Липологовском рубеже продолжались еще целую неделю, до 5 августа. В этот день 1-я танковая армия была расформирована: свою задачу она выполнила, не допустив противника к излучине Дона – Калачу-на-Дону.

² Короткая остановка для выстрела на ровной площадке.

Остановили танковую армию Гота!

Под давлением превосходящих сил противника Красная Армия отходила по всему фронту. Все лето и осень наша бригада, приданная 64-й армии, оборонялась на левом фланге Юго-Восточного фронта, 28 сентября переименованного в Сталинградский фронт. Раз за разом, атаку за атакой, с запада и с юга отбивали мы натиск танковых армий противника. 23 ноября наши войска окружили 6-ю армию генерала Паулюса.

Для деблокования 6-й армии немцы создали группу армий «Дон» под командованием фельдмаршала Манштейна. По замыслу немецкого командования, навстречу группировке Манштейна должен был выступить со своей армией генерал Паулюс. Эта операция по разблокированию окруженной группы войск имела кодовое название «Удар грома». Из этой группы армий на нашем направлении действовала 4-я танковая армия генерала Гота, усиленная пехотными и артиллерийскими частями. Дислоцировалась она в Котельниково.

12 декабря армия Гота перешла в наступление.

Наша историография утверждает, что армию Гота задержала армия Малиновского. В прежние времена иначе и быть не могло: как провидел товарищ Сталин, так все и было – точка! Но ведь и теперь историки лукавят, не говорят истины. А было так.

Когда группировку Паулюса окружили, когда в Советском встретились две бригады: 36-я мехбригада Юго-Восточного фронта и 45-я бригада Юго-Западного фронта, то кольцо мы замкнули. Это правда. Но внешнего-то кольца окружения не было! Немцы могли прорвать блокаду в любом месте! Мы орудия держали на Паулюса, а спина-то была голая!

4-я танковая армия Гота наступала по такому маршруту: хутор Верхне-Кумский, потом через реку Аксай Эсауловский и к реке Мышкова. За сутки она преодолела порядка сорока километров, форсировала приток Дона реку Аксай Эсауловский и дошла до хутора Верхне-Кумский. Оставалось пройти еще километров пятьдесят, и они достигли бы реки Мышкова. Наших войск там не было, а до Сталинграда – рукой подать! Сталин отдал приказ 2-й гвардейской армии генерала Малиновского занять оборону на реке Мышкова. Но 2-я армия находилась от реки в 180 километрах, нужно было время, чтобы преодолеть это немалое расстояние пешим порядком да еще по бездорожью.

Немцы уже не сомневались в быстром выходе к Мышкове и деблоковании армии Паулюса. Но в хуторе Верхне-Кумском их встретила 51-я армия генерала Труфанова, собранная Василевским и Еременко с бору по сосенке, из разных частей и соединений. Главной ударной силой этой армии стал 4-й мехкорпус генерала Вольского, объединивший остатки танковых бригад. Всего набралось около сотни танков, 147 орудий и минометов и 34 тысячи пехотинцев.

Немцы, когда сунулись в Верхне-Кумский, думали, что там никого нет, а по ним открыли огонь! Они остановились. Естественно, это была только разведка, она впереди шла.

Подожли главные силы, немцы заняли позиции и открыли ответный огонь. В состав армии Гота, на момент начала сражения, входили 2 полнокровные танковые дивизии – это порядка 350 танков и штурмовых орудий; 340 орудий и минометов, 76 тысяч стрелков. То есть они превосходили нас по танкам в 3,5 раза, по артиллерии – в 2 раза и по пехоте – тоже в 2 раза. И на подходе, как выяснилось из допросов пленных, находилась еще одна, 17-я танковая дивизия, то есть еще 150 единиц тяжелой боевой техники.

Началось ожесточенное сражение! Шесть суток мы дрались, не пропуская армию Гота к Мышкове! Хутор Верхне-Кумский несколько раз переходил из рук в руки. Дрались без сна и отдыха, можно сказать – и без еды. За хутором в амбаре развернули полевой медсанбат корпуса, туда направляли раненых, но раненые не уходили с огневых позиций, продолжали сражаться – под приказом не уходили!

В этой неравной битве талантливым полководцем проявил себя комкор генерал Василий Тимофеевич Вольский. Из своих скудных ресурсов он исхитрился выделить 30 танков, полк стрелков и отправил нас за Аксай Эсауловский, в тыл немцам, чтобы создать видимость окружения и вынудить противника занять круговую оборону. В эту группировку частично вошли танки нашей 158-й бригады, ее комбриг полковник Егоров возглавил десант в тыл врага.

Там, за рекой, мы первым делом вырыли окопы для танков, а пехотинцы нарыли щелей, спасаясь от пуль, осколков и ледяного пронизывающего ветра. Река Аксай Эсауловский по ширине небольшая, всего 25 метров, поэтому мы постоянно терроризировали противника огнем из пушек и пулеметов, а пехотинцы – из автоматов и винтовок.

За шесть суток боев группа уничтожила 32 вражеских танка, потеряв 15 из своих тридцати. И это при том, что приходилось считать каждый снаряд – экономили, как могли, зная, что на подвоз рассчитывать не приходится. С питанием было и того хуже, ели сухари, запивая холодной водой.

17 декабря израсходовали последние боеприпасы, нечем стало драться. Комбриг Егоров собрал офицеров:

– Объявляю благодарность всем экипажам за боевые действия. Поставленная задача группировкой выполнена: продвижение противника остановлено. Противник не посмел двинуться на Мышкову, считая, что мы ударим по нему с тыла. Помянем наших погибших товарищей... – полковник и все мы обнажили головы. – Сегодня ночью, – продолжил комбриг, – будем выходить к своим. Аксай форсируем по понтонам противника. Добытый «язык» показал, что немцы не убрали переправу, так как ожидают подхода последнего батальона танковой дивизии.

Дождавшись темноты, двинулись к переправе. Мы с Мардером двумя танками прикрывали отход. На понтоны вышли последними и уже проскочили опасную полосу, как в спину нам ударил сильный оружейный огонь. Успел по радио сказать Мише:

– Мы горим!

И услышал в ответ:

– Мы тоже горим!

Это был подходивший к Готу танковый батальон 17-й дивизии! И мы наткнулись на него! Они увидели нас и открыли огонь подкалиберными снарядами с малого расстояния! У немцев подкалиберные снаряды были уже в сорок первом году, а у нас они появились только в сорок третьем, перед Курской битвой.

Немцам удалось поджечь оба наших танка попаданием в кормовую часть. У нас снаряд попал в трансмиссию, двигатель загорелся. Переправу и берег тотчас осветили ракеты! Шквальный огонь! Через башню не выскочишь, всех скосит! Выскользнули, открыв аварийный люк – люк-лаз в середине боевого отделения, прихватив самое необходимое, автоматы, диски, гранаты, пулемет сняли, забрали аптечку, маскхалаты – и залегли под танком. В моем экипаже все остались живы, даже не ранены. Но как там у Михаила?! В свете ракет разглядел, как выбирается из танка, тоже через аварийный люк, экипаж Мардера, значит, и там люди живы. Затаившись, мы пережидали: когда же надоест им пускать ракеты?! Вскоре показалась группа вражеских разведчиков. Мы вжались в землю. Но немцы, не останавливаясь, прошли мимо. Наконец все успокоилось. Сползлись с экипажем Мардера. Миша рассказал, что слышал, как разведчики говорили: «Десять Иванов сторели».

Нужно было выбираться к своим. Посмотрели при карманном фонаре карту, наметили маршрут выхода и пошли. Перед рассветом наткнулись на каньон, в нем решили передневать. Устроили убежище, чтобы укрыться от ветра, и, схоронившись, коченея от холода, просидели в укрытии целый день.

Когда стемнело, опять двинулись в путь. Дул северо-восточный ветер, неся метель с поземкой. Впереди шел Миша Мардер, чтобы при надобности заговорить с немцами, мы шли

чуть поодаль, разминая замерзшие ноги. За день неподвижного ожидания темноты мы здорово промерзли, хотя на всех была зимняя амуниция – валенки, ватные брюки, телогрейки под шинелями, а на головах меховые танкошлемы. Впереди заметили поднимающийся от земли столбик дыма. Приблизившись, разглядели целый ряд землянок, прохаживался часовой. Немец сначала испугался, но Мардер вскинул руку в фашистском приветствии:

– Свои!

Караульный только начал в ответ поднимать руку, как мой заряжающий Миша Творогов сильно ударил его автоматом по голове, немец упал. Гранат бросать не стали, чтобы не поднимать тревогу.

Пошли дальше и внезапно наткнулись на полевое охранение. Тут уж выбирать не приходилось, забросали караульных гранатами и уже открыто бросились к своим. За какие-то минуты немцы поняли что к чему и открыли пулеметный, а потом и минометный огонь. Многие из нас получили ранения, но мы уже добежали до своих окопов. Мишу Мардера тяжело ранило в спину, мы сразу же отправили его в медсанбат. У меня осколок застрял в правом предплечье, но от медсанбата я отказался.

К своим мы добирались больше суток, и, можно сказать, нам повезло, все остались живы, хотя и получили ранения.

Дальнейшей судьбы Миши Мардера я не знаю. Полное имя его Моисей Борькович. Однополчане долго его разыскивали, но безуспешно, не знаем даже, остался ли он живым после ранения. В училище Михаил учился легко, талантливый, одаренный был человек, светлая голова; мягкий, но с хитрецей; говорить с ним можно было на любые темы; он был и художником, в училище плакаты писал. В бою действовал всегда решительно, за спины не прятался. Короче, молодец, действительно хороший человек, настоящий товарищ и храбрый солдат.

Мы вернулись на хутор, в свой полк.

В Верхне-Кумском немцы все еще боялись идти напролом: танки стоят, пушки направлены. У нас потери были очень большие, весь в крови был тот хутор. И тогда командир корпуса приказал отходить на Мышкову. Той же ночью, что мы вернулись из-за Аксяя, наши войска под прикрытием танков стали отходить к Мышкове и там заняли оборону. Подошли мы к реке в ночь с 18 на 19 декабря. Утром 19 декабря к нам прибыли войска армии Малиновского и 2-го мехкорпуса.

Пешим порядком они шесть суток шли до Мышковой, где и начали занимать оборону 19 декабря. Тогда только! А у нас во всех военных источниках написано, будто армия Малиновского как-то оказалась на Мышкове 12 декабря. Не было ее там! Пусто было, могли немцы пройти! Вот мы танковую армию Гота и держали!

Заняв оборону, армия Малиновского сразу же включилась в бои. И уже вместе мы отразили все атаки подошедших войск Манштейна.

Так было окончательно остановлено продвижение группы армий «Дон» к Сталинграду.

Я восхищаюсь нашими генералами-танкистами! Научились-таки воевать к этому времени! Только к этому времени! До этого всё были промахи, сплошные промахи! И тут они себя показали! 19 декабря 17-й танковый корпус генерала Полубоярова в глубоком тылу противника, совершив бросок в 100 километров, захватил Кантемировку. 4-й танковый корпус, им командовал генерал Баданов, тоже в глубоком тылу, взял Тацинскую и Морозовскую и захватил там 300 самолетов – все самолеты немецкого 8-го корпуса 4-го воздушного флота! Бадановцы доложили в Москву: захвачены самолеты, а как с ними расправиться, не знаем. Ночью из Ставки позвонили конструктору Яковлеву, подняли его из постели, чтобы спросить, как разбить эти самолеты. Он сказал: «Пусть рубят хвосты!» И поотрубали люфтваффе хвосты! С этого времени снабжение по воздуху окруженной группировки прекратилось. Они съели всех собак, кошек, крыс – всё съели, сапоги варили! Корпус Баданова получил наименование 2-го

гвардейского Тацинского танкового корпуса, а самому генералу Баданову был вручен первый орден Суворова II степени.

29 декабря 7-й танковый корпус Ротмистрова прорвался в глубокий тыл немцев и захватил Котельниково. Но Ротмистрова не наградили. Хотя Сталин был очень доволен, потому что успех-то был под Новый год.

На этом, по существу, и закончилось. Полегче там стало. Донской фронт Рокоссовского уже добивал группировку Паулюса.

Немецкий генерал Меллентин, бывший начальник штаба 48-го танкового корпуса, вспоминая декабрь сорок второго, констатировал: «Судьба рейха решалась не в Сталинграде, а в кровопролитном бою на небольшой, но глубокой реке Аксай Эсауловский»³.

Теперь в Верхне-Кумском стоит девятиметровый стальной факел. На пьедестале памятника перечислены соединения и части, которые выиграли это сражение, а может, и войну в целом. А надо бы написать на памятнике имена всех погибших героев, не пропустивших группу танковых армий Манштейна к Сталинграду.

³ Ф. Меллентин. Танковые сражения 1939–1945 гг. – Перевод с нем.: СПб., «Полигон», 2005, с. 242.

Часть вторая ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ФРОНТ

Глава третья НА КУРСКОЙ ДУГЕ. КОМАНДУЮ ВЗВОДОМ САМОХОДОК Январь – июль 1943

Из танкистов – в самоходчики

В тяжелых боях под Сталинградом мой танк получил много вмятин, уничтожил немало боевой техники и живой силы врага, но потом в декабре сорок второго и сам сгорел. От госпиталя я отказался и вместе с другими командирами, оставшимися без танков, был направлен в резерв и оказался в Свердловске, в отделе кадров Уральского военного округа. Здесь я получил новое назначение – командиром взвода самоходок СУ-122 в 1454-й САП.

САПы – самоходные артиллерийские полки начали создаваться как раз в это время, в начале 1943 года, специально для борьбы с новыми немецкими тяжелыми танками и самоходными орудиями и для уничтожения дотов и дзотов, мешающих продвижению наших танков. Полки эти находились в резерве Верховного Главнокомандования и, по мере надобности, придавались танковым и механизированным корпусам.

В состав САПа входило четыре батареи по пять самоходок плюс танк командира полка, а также рота автоматчиков, взвод разведки и вспомогательные подразделения – боепитания, техслужбы, связи, медслужбы, службы тыла и др. Компактные по численности, самоходные артполки были очень мобильны, за считанные часы, даже минуты выбрасывались к месту прорыва вражеских танков, уничтожая противника огнем с места, а в наступлении поддерживая танковые атаки. Забегая вперед, могу засвидетельствовать, что трудно или почти невозможно было прорваться вражеским танкам через наши боевые порядки там, где в обороне стояли средние или тяжелые самоходки.

В Свердловске располагался 5-й запасной танковый полк, в составе которого и формировались четыре батареи самоходок – подвижная часть 1454-го самоходного артполка. Командование должно было присоединиться к полку позднее.

В свою 3-ю батарею, которой командовал старший лейтенант Владимир Шевченко, я был последним, все уже были переучены с танкистов на самоходчиков, и мне пришлось осваивать боевую технику и вооружение за одну неделю. Это была премудрая артиллерийская наука: изучить панораму, правила стрельбы с закрытых позиций; уметь быстро готовить все установки для стрельбы по сокращенным данным; разбивать параллельный веер и корректировать огонь с выводом разрывов на линию наблюдения.

Кроме того, теперь мне предстояло командовать взводом – двумя самоходками СУ-122 со 122-мм гаубицами. СУ-122 были созданы на базе танка Т-34, имели почти ту же лобовую и боковую броню – 45 мм (у «тридцатьчетверки» лоб толще всего на 5 мм) и ту же максимальную скорость – 55 км/час. В отличие от танка башня самоходки была сделана монолитом с корпусом и не вращалась, орудие имело повороты по 7,5 градуса влево и вправо, а если цель находилась за этими пределами, приходилось поворачивать всю машину. 122-мм гаубица имела небольшую начальную скорость полета снаряда – 515 м/сек, но ее тяжелый снаряд весом 21,76 кг за

500 метров мог пробить броню немецких танков, а на большее расстояние его ударом и взрывом оглушался и выводился из строя вражеский экипаж.

В последнюю ночь перед отъездом из Свердловска я так и не смог заснуть. Не из-за того, что волновался или было жестко спать на туго набитых соломой матрацах, настеленных вплотную один к другому на втором ярусе деревянных нар, просто нахлынули воспоминания о танковом училище, боях под Сталинградом да немного беспокоила раненая рука. А может, это было предчувствие. Не знали мы тогда, что вскоре из Подмосковья, куда мы направлялись на окончательное формирование, проляжет наш путь напрямиком на Курскую дугу...

– Подъем! – раздалась команда, прервав мои беспокойные размышления.

За час успели побриться, помыться, поесть и, еще затемно, побатарейно двинулись в сторону завода Уралмаш. Под сапогами поскрипывал снег, миновали поле, небольшой перелесок и вскоре оказались на заводском дворе, где в предрассветных сумерках увидели свой эшелон с самоходками под брезентом. По обе стороны платформ прохаживались в овчинных тулупах и валенках часовые специального караула. Не более получаса ушло на погрузку имущества батарей и посадку личного состава в вагоны-теплушки, после чего наш эшелон, ведомый двумя паровозами цугом, вышел на основную магистраль и двинулся на запад. Ехали с большой скоростью, по «зеленой улице». Помню только две остановки на станциях: менялись паровозные бригады.

Каждое подразделение занимало двухосную теплушку, оборудованную нарами и железной печкой-буржуйкой, которую мы сразу же и затопили. Сквозь белую пелену падающего снега в проеме полуоткрытых застопоренных дверей мелькали платформы станций, глаз не успевал разобрать названий, отмечая лишь редких прохожих на стылых перронах. Всю дорогу пели популярные тогда песни – «Темную ночь», «В землянке», «Священную войну», «Огонек». В нашей батарее запевал обычно наводчик из комбатовского экипажа старший сержант Саша Чекменов, а когда пели украинские песни, вел сам командир батареи старший лейтенант Шевченко.

Драгоценны для молодых, еще не обстрелянных, были и рассказы бывалых фронтовиков. Командиру 1-го взвода лейтенанту Петру Фомичеву уже довелось участвовать в освобождении Западной Украины, Бессарабии, воевать с белофиннами да и о нынешней войне было что рассказать, воевал он с июля сорок второго. Механик-водитель из моего экипажа старший сержант Виктор Олейник сражался с японцами на Халхин-Голе, а зампотех⁴ батареи техник-лейтенант Василий Васильевич Ишкин рассказывал о боях на Ленинградском фронте, где получил тяжелое ранение, вывезли его из блокадного Ленинграда самолетом. С особенным интересом все слушали и расспрашивали о начальном периоде войны – боях на границе, под Москвой и Сталинградом.

Уже на вторые сутки наш эшелон прибыл на станцию Пушкино под Москвой. Здесь нас встретили командование полка и офицеры управления. В тусклом свете станционных фонарей разгрузили самоходки и перегнали в лес, километров на двадцать пять от железной дороги.

Разместившись в каком-то дачном поселке, мы приступили к боевой учебе и окончательному сколачиванию экипажей и подразделений в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке.

Учения под Москвой

К июлю 1943 года – времени предстоящей Курской битвы Красная Армия имела уже достаточно вооружения и опыта ведения боевых действий. Командование Вермахта, разрабатывая наступательную операцию «Цитадель» с целью разгромить наши войска на Кур-

⁴ Заместитель командира по технической части.

ском выступе и нанести сокрушительный удар в направлении Курск – Москва, делало ставку на новые самолеты: истребители «Фокке-вульф-190» и штурмовики «Хейнкель-129», но, конечно, прежде всего – на новую тяжелую боевую технику: танки «тигр» и «пантера» и мощные самоходные орудия «насхорн» (носорог) и «элефант» (слон), последнее у нас часто называли – и устно, и в печати – «фердинандом», по имени его конструктора доктора Фердинанда Порше.

Штаб полка уже располагал некоторыми тактико-техническими данными о новых немецких танках и штурмовых орудиях, однако нам тогда об этих данных не говорили: было запрещено доводить такого рода сведения до личного состава, чтобы не подрывать моральный дух экипажей. Но когда раздали инструкции по борьбе с вражескими танками, в которых на рисунках красными стрелками были указаны их уязвимые места, мы поняли, что нашими 122-мм гаубицами лобовая броня всех этих «зверей», кроме «насхорна» (броня 10–30 мм), не пробивается.

К тому же на всех немецких танках и самоходных орудиях, в отличие от наших, имелись дальномеры, что обеспечивало точность стрельбы. Наши экипажи танков и самоходок определяли расстояния до целей в обороне по формуле «тысячных», используя шкалы прицелов, а в наступлении целиться приходилось на глаз. К тому же с одной остановки можно было сделать только один, в крайнем случае два выстрела, иначе не избежать попадания вражеского снаряда. Не радовало и то, что, по сравнению с нашими боевыми машинами, немецкие располагали очень большими боекомплектами снарядов. Нам оставалось рассчитывать на преимущества в скорости и маневренности наших самоходок, большой запас хода и хорошее преодоление препятствий. Преимуществом были и значительно меньшие габариты самоходок, особенно по высоте. Против наших СУ-122 весом в 29 тонн и скорости 55 км/час «тигр» имел вес 55 тонн и скорость всего 38 км/час; «пантера» весила 44,8 тонны, развивая скорость до 48 км/час; самоходное орудие «элефант» имело боевой вес 68 тонн.

Исходя из этих сравнительных данных командование полка, проводя занятия с подразделениями, особое внимание уделяло тактике будущих боев. Да мы и сами понимали, что в обороне нас будет спасать земля – самоходки будут находиться в окопах; а в наступлении следует использовать складки местности и скорость машин.

Главный упор при сколачивании экипажей делался на вождении машин по сложным препятствиям, ведении огня с коротких остановок, особенно по движущимся целям, и на полную взаимозаменяемость членов экипажа. Даже рядовой Емельян Иванович Бессчетнов (мы называли его «старина», ему было уже за сорок), будучи замковым, хорошо водил самоходку и метко стрелял, хотя до этого в танковых войсках не служил, правда, прежде работал в колхозе трактористом.

Учеба наша закончилась тактическими учениями с боевой стрельбой.

В ночь с 14 на 15 июня полк был поднят по боевой тревоге и в спешном порядке, по железной дороге, переброшен под Курск. Прибыли мы на правый, северный фланг Центрального фронта, где оборонялась 48-я армия. Полку отвели участок обороны напротив Змиевки.

Готовимся к обороне

За двое суток после прибытия экипажи оборудовали основные огневые позиции и по две запасных позиции для каждой самоходки. Эту адскую работу мы совершили почти без отдыха, в любую минуту ожидая начала наступления противника. От нестерпимой жары гимнастерки на всех взмокли, мучила жажда; поочередно отдыхающий пятый член экипажа – не хватило на всех лопат, не успевал подтаскивать питьевую воду. Замаскировав последнюю позицию, удовлетворенные, сели наконец отдохнуть. На руках вздулись мозоли, но на душе стало радостнее – теперь не захватят нас немцы врасплох! Проворно окопались все подразделения полка, но

и потом совершенствовались огневые позиции, до самого 5 июля, когда началось наступление немцев под Курском.

Целыми днями экипажи занимались подготовкой системы огня и тренировками по его ведению. Одновременно все это время я изучал собственный экипаж и взвод, незаметно приглядываясь к людям, а ситуации возникали разные – то бомбежка, то артналет, особенно когда ведут огонь шести- и десятиствольные реактивные минометы, своим воем способные любого вывести из равновесия. Больше всего наблюдал я за своим наводчиком, от которого в бою зависело очень многое. Но старшина Валерий Королев, будучи самым молодым в экипаже, вел себя спокойно, от взрывов не вздрагивал, без надобности не прятался. Вообще, этот внешне хрупкий, худенький парнишка из южноуральской деревни подкупал искренностью, непосредственностью и простотой, а затем, скажем это забегаая вперед, и вызвал всеобщее уважение надежностью и мужеством в боях. Остальные члены экипажа имели боевой опыт, поэтому за них я был более спокоен.

Ночь с 4 на 5 июля, перед Курской битвой, была отличной, впрочем, как и все предшествовавшие. Обе стороны периодически вели огонь из пулеметов трассирующими пулями, и темноту вдруг пронизывали их яркие огненные строчки. Нет-нет, с шипящим воем пролетала над нами мина, глухо взрываясь где-то в глубине обороны. В боевых машинах дежурили по одному члену экипажа, остальной личный состав спал в блиндажах. Дежурил и один из офицеров батареи, другие чутко дремали, приткнувшись на земляной скамейке или с солдатами на полу, устланном ветками и плащ-палатками.

В нашем блиндаже в ту ночь особенно долго не спали, усевшись вокруг длинного самодельного стола из грубых нетесаных досок. Комбат Шевченко сидел с торца и при свете «люстры» – сплюснутой сверху 76-мм гильзы, внимательно рассматривал только что принесенную из штаба полка новую инструкцию по борьбе с тяжелыми немецкими танками и самоходными орудиями.

Поясню, у самоходчиков комбат – это командир батареи, а у танкистов и в пехоте комбат – командир батальона. Добавлю здесь же, что офицеров у нас принято было называть по имени-отчеству – без звания и фамилии; конечно, за исключением критических моментов в бою, когда счет шел на секунды. Младший состав называли только по имени – без звания и фамилии. Другое дело, начальство, у них в ход шел весь спектр родного языка, от просто имени до мата.

В ту ночь наш комбат старший лейтенант Шевченко сосредоточенно вычислял по формуле «живой силы» бронепробиваемость танковых пушек немцев, делая расчеты на оборотной стороне карты и озвучивая для нас свои выводы:

– У нас лобовая и боковая броня – 45 мм, получается, что 88-мм пушки «тигров» и «фердинандов», как и 75-мм орудия «пантер», пробивают наши самоходки на дальности до 2000 метров. Не стоит сбрасывать со счетов и «насорн» с его 88-мм пушкой. Вот такая, братцы, арифметика, – глянул на нас комбат.

– А как же мы их можем пробить, Владимир Степанович? – не удержался командир самоходки лейтенант Порфирий Горшков.

– По моим подсчетам, лоб «тигра» и «пантеры» наша 122-мм гаубица может пробить с расстояния 500 метров, борт «пантеры» пробьем на 1000 метров, а «насорна» – на 2000 метров и в лоб, и в борт. Уязвимые места всех указаны те же, что и на старой инструкции. Кроме того, от удара и разрыва нашего тяжелого снаряда немецкий экипаж, даже «фердинанда», может быть ранен осколками от своей же брони. Это с закрытой позиции. А вот в наступлении...

В блиндаж вбежал старший радист штаба, запыхавшись, доложил:

– Товарищ комбат! Вас срочно вызывает комполка!

Шевченко, взяв замкового своего экипажа рядового Сашу Кибизова, ушел на КП полка. Кибизов у комбата был одновременно и связным, и личной охраной, для этой роли он был

незаменим. Осетин по национальности, был он высокого роста, обладал хорошей физической силой, стремительностью горца и ловко владел кинжалом.

Мы, конечно, сразу догадались, зачем так срочно, среди ночи, вызвали комбата: видимо, начинается!

День первый обороны

Вернулся Шевченко минут через пятнадцать, собрал возле своей самоходки офицеров и предельно кратко поставил перед нами боевую задачу. Экипажи начали готовиться к бою. В полной темноте, до рассвета было еще далеко, снимали чехлы со стволов орудий, частично убрали маскировку, где она помешает вести огонь, протирали оптику. В боевом отделении самоходки запахло табачным дымом, это почти одновременно закурили махорочные самокрутки механик-водитель Виктор Олейник и заряжающий Василий Плаксин, оба заметно волновались, у обоих дома остались жены, у каждого двое детей, а у Виктора еще и старые родители. Кто может предсказать, что ожидает нас, чем закончится бой? Зато все твердо знали, с каким сильным противником мы вступаем в схватку. Наводчик Валерий Королев молча протирали панораму, а замковый Емельян Иванович Бессчетнов, которому в этот день исполнилось сорок шесть, крестясь, приговаривал:

– Слава богу, скоро начнется, покажем им «кузькину мать», это им не сорок первый.

Оглушительный грохот взорвал тишину ночи! Началась артподготовка. Тысячи орудий и минометов одновременно ударили по изготавившемуся к наступлению врагу. Машинально глянул на светящийся циферблат, вмонтированный в щиток приборов механика-водителя: часы показывали 2 часа 20 минут. Через открытый люк и поднятые панорамные створки были хорошо видны залповые удары «катюш» – огненными серпантинами с ревом неслись они в сторону врага.

Через несколько минут по циркулярному радиосигналу комполка мы присоединились к артподготовке по заранее намеченным и пристрелянным целям. Здесь, на Курском выступе, мне впервые пришлось стрелять с закрытых огневых позиций. Оба экипажа взвода вели огонь с заранее определенными установками прицела, и, судя по командам с НП батареи, снаряды ложились в заданный район.

Целых полчаса продолжалось артиллерийское избиение вражеских войск, а потом стрельба прекратилась и воцарилась странная напряженная тишина.

К четырем тридцати немцы смогли привести себя в порядок и начали артподготовку наступления. Однако уже через пять минут наша артиллерия ответила врагу мощной контрартподготовкой, в которую опять включился и наш полк. Над нейтральной полосой воцарился смертоносный хаос! Тысячи снарядов и мин летели навстречу друг другу, неся противной стороне разрушения и смерть! В самоходке сделалось жарко и душно, от порохового дыма першило в горле, резало глаза, хотя все люки были открыты и на полную мощность работали вентиляторы; заряжающий и замковый действовали возле орудия в мокрых от пота комбинезонах, то и дело прикладываясь к фляге, оба были физически сильными, выносливыми, но в башне не хватало кислорода, а тяжелые снаряды – их еле успевали подвозить артснабженцы – выматывали силы. Снаряды стали рваться все ближе, крупные осколки ударили по крышке люка и башне, высекая брызги расплавленного металла, пришлось позакрывать люки, и теперь только через приборы можно было видеть разрывы, от которых 29-тонную самоходку качало, как на волнах, засыпало землей и обдавало пламенем.

Не успели взорваться последние вражеские снаряды, как налетели пикирующие бомбардировщики! Группами по 20–30 машин они волнами шли через передний край, сбрасывали, низко пикируя, свой смертоносный груз на линию обороны и поднимались на новый заход. Бомбы падали с ужасающим воем сирен, сотрясали и перепаживали землю, рушили окопы,

траншеи, ходы сообщения, блиндажи! Но самое жуткое впечатление производил рев самих самолетов, когда они, пикируя, пронеслись прямо над башней: меньше думалось о прямом попадании, больше – что летчик не сможет вывести самолет из пике и врежется в нашу машину.

– Слава богу, пронесло, товарищ лейтенант, а ведь бомба-то была наша, – невозмутимо сказал Емельян Иванович, как бы успокаивая экипаж.

– Это они тебя поздравляют с днем рождения, Емельян Иваныч, потому сегодня прямых пикирований не будет, – пошутил Вася Плаксин и тут же целым каскадом картинных выражений принялся костить, поносить вражеских летчиков, и в следующее мгновение, откинув верхний люк, вдруг ударил из автомата по пикирующему «юнкерсу». Сразу же по его примеру застрочили автоматы из других самоходок, вступили и пулеметы из стрелковых окопов, высекая пулями искры из бронировки бомбардировщиков.

Будучи весельчаком и балагуром, Василий не унывал в любой обстановке, даже критической, но если долго не было писем от жены из Москвы, его будто подменяли, улыбка исчезала с лица. В финскую Василий был пулеметчиком, его тяжело ранило и он долго пролежал на снегу в сильный мороз, мимо проходили санитары, но он не смог подать знак, даже открыть глаза. «Этот уже готов», – бросил один из санитаров. Слова его громом с молнией ударили в голову замерзающего, и Василий открыл глаза. Что и спасло ему жизнь тогда, зимой сорокового, на Карельском перешейке.

Около шести утра немцы перешли в наступление. За разрывами снарядов и мин показались из-за холмов танки. Предельно напрягая зрение, я попытался в бинокль определить тип идущих на нас вражеских машин – но дистанция была слишком велика! Члены экипажа, все как один, тоже впились в налобники приборов, жадно рассматривая поле боя, пытаюсь распознать танки первого эшелона. Фашистская артиллерия и минометы усилили огонь. Били и по нашей батарее, но не прицельно, так как у нас были очень удобные позиции – по скатам долины реки Неручь, покрытым кустарником и мелколесьем, растительность укрывала нас от прямых попаданий. Используя складки местности, танки медленно приближались к нашей обороне, ведя огонь с ходу и с коротких остановок. Стальные гусеничные ленты тускловатого поблескивали в лучах восходящего солнца. До боли в глазах всматриваясь в контуры наступающих танков, я мысленно сравнивал их с картинками из инструкций: вертикальные борта корпусов и стенок башен, длинная пушка с дульным тормозом говорят о том, что это «тигры», как и камуфляж корпусов и башен, окрашенных желтыми, зелеными и коричневыми пятнами, что неплохо вписывалось в окружающую местность. Да, это были они! Перед фронтом обороны нашей батареи наступало шесть «тигров»! За ними, из-за гребня высоты, перевернутым клином уже выполняли менее габаритные танки и бронетранспортеры с пехотой, мы разглядели средние танки Т-IV и штурмовые орудия «нахорн».

Командир моей второй самоходки младший лейтенант Леванов красным сигнальным флагом, поднятым над башней, доложил о готовности к открытию огня. Я таким же образом доложил комбату Шевченко о готовности взвода.

До вражеских танков оставалось не более километра, а команды от командира полка на открытие огня все не было! «Тигр» имел лобовую и бортовую броню 100 мм и своей мощной пушкой пробивал броню до 70-мм на 1500 метров. Тогда как даже тяжелый снаряд нашей 122-мм гаубицы мог пробить броню «тигра», лишь подпустив его на 500 метров. Через приборы стрельбы и наблюдения мы уже отчетливо видели, как «тигры», немного рыская по хлебному полю, жерлами пушек обшаривают наши позиции, выискивая цели. Дав команду наводчику держать на прицеле танк, что выдвинулся немного вперед и шел прямо на нашу самоходку, я окинул взглядом ребят своего экипажа: Валера Королев вроде не теряет самообладания, правую руку держит на спуске орудия; Плаксин и Емельян Иванович через свои триплексы не спускают глаз с вражеских танков и заметно волнуются; механик Витя Олейник в сильном

возбуждении без надобности перехватывает рычаги бортовых фрикционов, но в такой напряженный момент это естественное состояние. Что касается меня – да, я тоже волновался, хотя уже имел опыт схваток с немецкими танками, но то были легкие Т-III и средние Т-IV, а тут – «тигры», «пантеры», «фердинанды» с очень мощными пушками! В этом первом на Курской дуге неравном бою с тяжелыми вражескими танками мне очень хотелось во что бы то ни стало победить врага, но и сохранить жизнь членов экипажей, и я расчетливо подумал, что немцы, уверовав в неуязвимость своих танков, будут лезть напролом, открыто, а мы-то находимся в окопах, под защитой родной земли, – в этом наше большое преимущество! Но сейчас мне, командиру, нужно думать об одном: чтобы никто не подвел в бою.

– Не так страшен черт, как его малюют, – воодушевлял я свой экипаж, – подпустим их поближе...

Расстояние сокращалось. До танков уже осталось девятьсот метров... Восемьсот... «Тигры» вплотную приближались к нашей передовой, оборудованной в семистах метрах от первой траншеи, – а команды на открытие огня все не было! Вдруг по траншеям пехоты многоголосо загудело:

– «Тигры», «тигры»! Идут! – Теперь танки рассмотрели все.

Танки ползли медленно, по-черепашьи, понятна была их тактика: рассчитывают, что нервы у нас не выдержат, что кто-то откроет огонь, и тогда они смогут легко, с безопасного расстояния, расправиться с нашими танками, самоходками и артиллерией. Однако комполка майор Самыко проявил крепкую выдержку. Он получил отличную боевую выучку в Московской Пролетарской дивизии, сражаясь за Москву командиром артдивизиона, так что неплохо усвоил немецкую тактику.

И вот танки вышли на передовую позицию. Завязался жестокий бой, сопровождаемый взрывами гранат, ружейно-пулеметным огнем и яркими вспышками пламени на танках – наши пехотинцы вели смертельный бой, применяя против танков гранаты и бутылки с зажигательной жидкостью «КС», немцы называли ее «коктейль Молотова», а мы – «горючкой». «КС» была очень опасна: разбиваясь, бутылка освобождала компоненты – белый фосфор, серу и углеводород, которые, вступая в реакцию, разбрасывали брызги температурой до 1000 градусов и неминуемо воспламеняли объект, на который попадали. Но одной горючкой против танков не выстоишь! Силы были неравные, и наконец пехота получила приказ на отход. Внезапно мы услышали два мощных взрыва, и два танка остановились, но продолжали вести огонь с места – вероятно, подорвались на минах или подбиты противотанковыми гранатами. Пулеметные и автоматные очереди становились все более слышимыми – это бойцы, отходившие по ходам сообщений, отбивались отседающего врага. Нагрудный переключатель моего шлемофона находился на положении «внешняя связь», в наушниках стоял сплошной шум, сквозь потрескивание звучали обрывки фраз открытого радиообмена на немецком и русском, в последнем случае с весьма доходчивыми двух-, трехэтажными выражениями. Но наконец я услышал голос комполка:

– По танкам! Огонь!

Тут же продублировал команду наводчику:

– Валерий! По танкам! Огонь!

Одна за другой, подтверждая приказ, взвились в небо три красные ракеты, и, не успевшая первая достичь зенита, как Королев, так же, как манна небесной, ждавший сигнала, нажал на спуск. Прогремел выстрел! Рядом бухнули гаубицы Леванова и комбата! Взрывной волной взвихрило, перемешало пыль с дымом, на несколько секунд скрыв поле боя, но я все-таки разглядел пламя на башне вражеского танка! И второй сполох – от прямого попадания снаряда, выпущенного наводчиком Леванова Лешей Кузиным! Алексей, наверное, выпустил этот снаряд с особым ожесточением: всего в восьмидесяти километрах отсюда жили на оккупирован-

ной территории его родители и с начала войны он не имел о них никаких сведений. Слева один танк значительно выдвинулся вперед.

– Валерий! По второму слева! Огонь! – скомандовал наводчику.

Снаряд взорвался в верхней части башни. Но танк не только продолжал двигаться – еще и вел огонь из пушки и двух пулеметов!

– По гусеницам! Огонь! – уточнил Королеву точку прицеливания.

Тяжелый снаряд разбил гусеницу! Танк развернуло влево, подставив нам правый борт! Опытный наводчик экипажа Горшкова Василий Цыбин, до того не стрелявший, только и ждал такого случая – в одно мгновение запустил снаряд в борт вражеского танка и поджег его! Королев тоже успел выстрелить, но взрыв обозначился на секунду позже.

– Жаль снаряда! – горестно чертыхнулся Валерий.

Но весь экипаж радовался, видя первый горящий вражеский танк!

Танки противника, потеряв две машины, приостановили наступление, заерзали на месте, отыскивая удобные позиции. Но вот, выждав, тяжелые танки возобновили наступление, на некоторых участках вплотную приблизились к переднему краю. Напряженность боя на участке обороны полка нарастала. Поле сражения накрывал сплошной грохот канонады пушечных выстрелов, взрывов снарядов, мин! Между разрывами слышались пулеметные очереди! Было видно, как из ближайших окопов и траншей наши бойцы ведут огонь из винтовок и автоматов – но звуки отдельных выстрелов не различались, все сливалось в единый мощный гул боя! Артиллерия врага усилила огонь! В поле зрения появились и уже открыли огонь танки второго эшелона! Соотношение сил становилось опасным. Враг наседал на нашу батарею, в других батареях положение так же делалось все тяжелее. Взрывами тяжелых снарядов выбрасывало вверх колья проволочных заграждений! В клочья разлетались «спирали Бруно»! Рушились опалубка траншей, потолки блиндажей, заживо погребая людей! Выбравшиеся из-под завалов под артиллерийским и пулеметным огнем бросались спасать своих товарищей! Сильная задымленность поля боя не позволяла через оптику как следует рассмотреть наступающего противника. Глянув из-за крышки люка невооруженным глазом, увидел за танками второй линии три цепи вражеской пехоты! Через приоткрытый передний люк рассмотрел цепи и Олейник, его, видно, ошеломило увиденное, закрыв люк, он закурил, но не стал пугать товарищей, ничего не сказал.

– Валерий, без команды не стрелять! – приказал наводчику. – Надо экономить снаряды, теперь их не подвезти, а пропустить танки нам нельзя. Пехоту задержат стрелки, да и мы им поможем.

– Батарея! По головному танку! Целиться под башню! Сосредоточенным! Огонь! – раздалась в шлемофоне команда Шевченко сразу всем экипажам.

От залпового удара у «тигра» сорвало башню! Очертив пушкой полукруг в воздухе, она слетела на землю! И тут же полыхнула багрово-черным пламенем вся машина! «Тигр» горел!

– По третьему слева! Сосредоточенным! Огонь! – вдохновленный успехом, опять скомандовал комбат.

У второго танка приподнялась вместе с пушкой передняя часть башни, из образовавшейся пасти высунулся язык синего пламени! Вслед за нашей батареей перешли на сосредоточенный огонь и другие подразделения. Одновременно по наступающим танкам вела интенсивный огонь артиллерия, стоящая на прямой наводке. И около полудня наступление противника захлебнулось! Оставив на поле боя немало сгоревших танков, бронетранспортеров, убитых солдат, немцы начали отходить, отстреливаясь из пушек и пулеметов.

Как только стих бой, мы открыли люки, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Но не успели выйти из машин, как поступил приказ о переходе на запасные позиции. В окопах остались лишь муляжи самоходок.

Минут через пятнадцать налетели около пятидесяти бомбардировщиков с воющими сиренами и начали бомбить наши основные позиции, принимая оставленный камуфляж за боевые машины. Сделав несколько круговых заходов, они сровняли наши окопы с землей.

Больше на нашем участке в тот день немцы атак не предпринимали.

После боя первое дело для экипажа – обслужить технику. И тут я вспомнил про свой офицерский доппаек. Выдавался доппаек раз в месяц, в него входило немного сливочного масла, пачка печенья, сахар и пачка легкого табака. Воспользовавшись относительным затишьем, решил послать на продсклад Плаксина:

– Вася, попроси кладовщика, чтобы вместо сахара дал плитку шоколада, отметим день рождения Емельяна Ивановича.

Обедал экипаж в торжественной обстановке. Причин было две: успешно проведенный первый бой и именинник. Я вручил Емельяну Ивановичу подарки – складной ножик, он сохранился у меня еще из дома, и сладкий гостинец. Наш старина умильно прослезился и в знак признательности каждому пожал руку.

Вечером на построении майор Самыко объявил благодарность всему личному составу полка от себя и передал похвалу и благодарность от командующего Центральным фронтом генерала Рокоссовского, и тут же приказал начштаба майору Фетисову оформить наградные документы на отличившихся в бою. Потом сделал детальный разбор и подвел итоги первого дня обороны:

– Полк сегодня подбил и уничтожил восемь вражеских танков, несколько бронетранспортеров, убиты десятки вражеских солдат и офицеров. Наши потери: пять раненых, две подбитые самоходки и одна сгоревшая автомашина. Это хорошо, что мы понесли наименьшие потери и с честью выдержали бой с «тиграми». Надо отдать должное комбату третьей батареи старшему лейтенанту Шевченко, он первым своей батареей применил сосредоточенный огонь по одному танку.

В заключение комполка сообщил, что приказом командующего фронтом полк перебрасывается в район Поньрей, где намечается главный удар немцев. Начштаба немедля развернул карту и показал исходный рубеж, рубежи регулирования, районы привалов и сосредоточения, указав, где и когда должен быть полк и его тылы в период передислокации. Затем личный состав разошелся на ужин, а мы, офицеры, в штабном блиндаже принялись наносить обстановку на свои карты, фиксируя рубежи, районы, сроки.

Когда мы вышли из блиндажа, солнце уже клонилось к закату, багряный диск впалялся в полосу горизонта, но легкий ветерок разносил по окопам не ароматы летнего вечера, а запах порохового дыма и смрад горевших трупов и техники. Между воющими сторонами продолжалась обычная артиллерийско-минометная перестрелка на всю глубину оборонительных полос, что не мешало командиру отделения боепитания старшему сержанту Марьясову с шофером рядовым Аксеновым развозить боеприпасы по самоходкам, забирая у экипажей стреляные гильзы. В санитарной палатке, установленной в глубоком овраге, оказывали помощь раненым старший врач полка старший лейтенант медслужбы Роза Муратова и старший санитар-инструктор Валя Воробьева, обе совсем молодые и обе с Урала. Невысокая симпатичная Роза с черными, как маслины, глазами и такими же угольно-черными волосами ушла в армию из Башкирии; Валя – высокая, стройная симпатичная блондинка с голубыми глазами, вступила в ополчение в Свердловске. Первой в ту пору был двадцать один год, второй – восемнадцать. К лету сорок третьего обе уже получили хорошую боевую закалку, Роза – в медсанбате первого эшелона, Валя – в лыжном батальоне Калининского фронта.

На этих симпатичных девиц ласково посматривали молодые воины полка, но близко старались не подходить, так как Роза считалась женой комполка Самыко, а Валя – женой его заместителя майора Мельникова. На самом деле обе они состояли с этими офицерами во «фрон-

товом браке». В нашей безбожной стране в это время венчание в храме было запрещено, а ЗАГСы на фронт не выезжали, поэтому свидетельство о браке выдавалось вышестоящим штабом. Обе эти дамы родили по сыну и нарекли их фамилиями фронтовых «мужей», у которых уже были семьи, о чем ни Роза, ни Валя не подозревали. Третья девочка в полку, красивая Аня с карими глазами, назовем ее Ивановой, жила в гражданском браке со многими симпатичными офицерами. За многожество Самыко и отчислил ее из полка в ноябре сорок третьего.

Освободившись от штабных дел, я собрал взвод. Экипаж ждал меня, не ужинал. Я объявил всем благодарность за отличное ведение боя и каждому крепко пожал руку. На удивление, все были спокойны, будто и не было только что минувшего боя. Вася Плаксин, когда шел от кухни с котелками каши, уже распевал веселые песенки, а во время ужина подтрунивал над Емельяном Ивановичем:

– Старина, держи голову выше или котелок ниже, не замочи усы – это ж гордость всего экипажа!

Быстро поели и стали готовиться к маршу.

Передислокация

Команда «По машинам!» встрепенула весь полк. Взревели моторы, самоходки начали вытягиваться в походную колонну.

Ночь уже спустилась на землю, шли на малых скоростях, в облаках густой пыли от гусениц, только включенные на всех машинах задние красные фонари предотвращали наезды на впередиидущих. Периодически в небе над колонной появлялись вражеские бомбардировщики, но полк надежно маскировали темнота, дорожная пыль и кроны деревьев. Лишь однажды, поблизости от Луковца, преодолевая болото по гати, кто-то из водителей по ошибке на мгновение включил полные фары, на что летчики противника отреагировали столь же мгновенно – получасовой бомбежкой! Но обошлось без потерь.

Перед самым рассветом случилась вынужденная остановка: одна самоходка застряла в глубоком грязном кювете, перегорев дороге колонне. Вел ее самый опытный в полку механик-водитель Михаил Гречук. Машину быстро вытащили двумя самоходками, но в полку это стало большой сенсацией: застрял «сам Гречук!», который мог переключать передачи, не выжимая педаль главного фрикциона. Михаил сильно переживал, нервничал и, наверное, от такого конфуза целую неделю потом избегал встреч с товарищами.

Большой привал сделали в лесу, надежно укрыв самоходки под деревьями, засыпав землей и зарывая ветками гусеничные следы. Сначала привели в порядок машины, потом в темпе поели и взялись за письма, кто-то писал домой, а те, кому повезло, читали письма, только что привезенные двумя неразлучными друзьями, почтальоном Антоном Некрасовым и мотоциклистом Наумом Андреевым.

Летние вечера длинные, светлые, кто постарше, сразу улеглись спать под деревьями, а молодые собрались под развесистой елью вокруг наводчика Васи Цыбина послушать его истории, реальные и выдуманные, бойцы полка любили байки этого высокого симпатичного парня. В тот день он получил письмо от матери из деревни Двойня Калининской области и теперь радостно делился с друзьями:

– Матушка моя, Афима Андреевна, пишет, что в этом году медосбор хороший, и самой ладно, и в фонд обороны половину сдаст. – И вдруг добавил: – Ребята, приезжайте в гости после войны! Всех угошу медом, медовухой! Ешьте, пейте, сколько захотите! Медом-то можно вылечиться от всех болезней, даже старики от него молодеют.

– Ну, кажется, ты, Василек, перехватил, – поддел энтузиаста Кибизов.

– Ничего, Саша, не перехватил! Если тебе в девяносто лет будет нездоровиться или под старость жениться захочешь, обязательно приезжай, помогу!

– Ты лучше скажи, почему твоя деревня Двойней называется?

– Опять же – от меда! Как занялись этим промыслом, наши женщины двойняшек стали рожать. Вот жители соседних деревень и перекрестили нашу деревню из Молошно в Двойню.

Забегая вперед, скажу, что наводчик старший сержант Цыбин был очень храбрым воином. Во многих боях сражался с немцами отважно, уничтожил из своего орудия несколько танков и самоходных орудий, а однажды, когда загорелась его самоходка, он из автомата и гранатами истребил десятка три наседавших на подбитую машину немцев и тем спас жизнь остальным членам экипажа, получившим тяжелые ранения. Но была у Васи странность: он панически боялся бомбежек и при налете авиации всегда выскакивал из самоходки, прятался в кюветах, ровиках. Много раз мы говорили, внушали ему, что самое надежное укрытие от бомб – броня самоходки, прямых попаданий в машины единицы. Но такова, видно, была его судьба. Позднее, уже после Курской дуги, он во время налета, как всегда, выскочил из самоходки в ровик, где и был смертельно ранен. Очень жаль, что всей батареей не смогли мы его переубедить.

За два часа до выхода из района дневки собрались в овраге, под плотными темно-зелеными кронами елей коммунисты и комсомольцы для обсуждения текущего момента. Крепко сложенный, подтянутый замполит майор Гриценко вышел на середину и, окинув взглядом присутствующих, начал негромко, но внушительно:

– Вчера полк успешно прошел боевое крещение. Но обстановка на Курской дуге все еще очень тяжелая. Завтра нам придется вступить в бой на направлении главного удара противника. Бои будут трудные. Коммунисты и комсомольцы должны показать железную волю к победе, не отступать ни на шаг.

Говорили и другие. Запомнились слова командира взвода лейтенанта Фомичева:

– Если коммунист для улучшения позиции своей самоходки немного отступил, то потом должен продвинуться вперед в два раза дальше!

Из леса вышли во второй половине дня. Продвигались быстро, но в основном колонными путями – через кустарники и перелески, минуя шоссе и полевые дороги. На подходе к Гнилой Плате колонна была обстреляна из пулеметов с небольшого заросшего кустарником холма на противоположном берегу заболоченной речки. Главные силы полка уже прошли это место, огонь пришелся по тыловым подразделениям. Немцы не знали, что за тылами в качестве арьергарда двигалась наша батарея. Шевченко, не раздумывая, скомандовал:

– Развернуть батарею к бою! Из орудий огонь не открывать!

Через несколько минут огнем из автоматов и гранатами были убиты три фрица-пулеметчика. Остановили самоходки, вышли посмотреть. В окопе рядом с убитыми увидели два пулемета и коробки с пулеметными лентами, здесь же валялись каски со свастикой, противогазные коробки цилиндрической формы из гофрированного железа и радиостанция.

– Товарищ лейтенант, давайте заберем оба пулемета и коробки с патронами, пригодятся, – обратился ко мне Бессчетнов.

– Забирай, Емельян Иваныч, пулеметы, а про коробки скажи Королеву и Плаксину, они возьмут.

Сам я, возможно, и не догадался бы взять трофеи, спасибо, старина подсказал. Как вскорегодились нам эти пулеметы!

– Не могу сообразить: ну выбросили их сюда, но зачем? – проговорил Шевченко, рассматривая стоявшую в окопчике радиостанцию.

– Наверное, докладывать о продвижении наших войск, – заметил взводный Фомичев.

– Тогда зачем стреляли?

– Они, наверное, думали, что их войска уже прорвали нашу оборону и через час-другой здесь будут, – предположил зампотех Ишкин.

– Возможно, и так, – согласился комбат и приказал двигаться.

Стоим насмерть. День второй в обороне

Первая атака.

Вместо полутора суток, по приказу командующего фронтом, в назначенный район действий 13-й армии полк прибыл за сутки, в одиннадцать ночи 6 июля. Это был район обороны 307-й стрелковой дивизии генерала Еншина. Здесь наш полк поступил в оперативное подчинение командира 129-й танковой бригады полковника Петрушина, хотя по своей огневой мощи полк был сильнее, так как бригада в большинстве состояла из танков Т-70 с 45-мм пушками.

При свете луны, временами выходявшей из-за облаков, комбриг с командованием полка и подразделений уточнил на местности наши позиции. Рельеф на участке обороны был почти ровный, с небольшим отлогим скатом в сторону противника, слева проходила гряда холмов, здесь комполка и решил поставить нашу батарею в засаду, на случай вклинивания немцев в глубину первой позиции.

Не теряя времени, взялись рыть окопы, понимая, что работу нужно завершить до рассвета. Работали раздетыми до пояса, почти без перерывов, иногда нагибаясь от пулеметной очереди или пластаясь на землю от низколетящей мины, их мы уже научились распознавать по звуку и успевали прятаться. К рассвету все выбились из сил, но окопы были готовы и хорошо замаскированы, заделали под местность и следы от гусениц. Удовлетворенные завершением титанической работы, сделали маленькую передышку. За ночь вместе с аппаратами⁵ и щелями для личного состава каждый экипаж выбросил около сорока кубов не совсем легкого грунта. Грешным делом думал, не вытянут такой нагрузки худенький Валерий и немолодой Емельян Иванович, но, оказалось, больше всех выдохся Плаксин, Олейник над ним подшучивал:

– Так-то, Вася, окопы под пулями копать – это тебе не любовные песенки на Малой Бронной распевать.

Комбат, вернувшись с КП полка, собрал офицеров батареи:

– Главный удар на Центральном фронте противник наносит в направлении Понырей. Нам предстоит действовать совместно с танковой бригадой. Большинство танков у них легкие: Т-60 и Т-70, со слабой броней и 45-мм пушками. Что касается «тридцатьчетверок», то их мало и в боекомплектах у них всего по пять подкалиберных снарядов, а, как вы знаете, только подкалиберным можно пробить броню «тигров» и «пантер». Так что главная задача по уничтожению вражеских танков ложится на нас, – заключил Шевченко.

Едва успели вернуться к машинам, как появились вражеские бомбардировщики, сбрасывая 500- и 1000-килограммовые бомбы; эти авиационные бомбы мы определяли по силе взрыва, от их мощных ударов и сокрушающих разрывов содрогалась земля, рушились оборонительные сооружения, самоходки покачивало будто на волнах. А тут еще начался артобстрел! Экипажи сидели на своих местах, люки задраили, но иногда разрывы были настолько близко, что в приборах наблюдения на несколько мгновений задерживалось пламя – казалось, самоходка горит! И следом нас оглушала жуткая дробь рушащихся на броню камней и грунта из выброшенных взрывами высоко в небо султанов земли! Оседая, они накрывали машину толстым непроницаемым слоем, в башне становилось темно, как ночью, но мы, боясь прозевать начало атаки противника, часто открывали верхний люк, чтобы получше осмотреться и протереть приборы. В очередной раз выглянув наружу, увидел страшную картину: окутанные шапками черного дыма горели три близлежащих села, а впереди сквозь дымы и разрывы виднелись окопы нашей пехоты, там, пренебрегая смертельной опасностью, люди разгребали землю, вытаскивали придавленных из-под завалов земли, бревен, обвалившихся блиндажей и крепей траншей.

⁵ Пологие спуски в окопы.

– Товарищ лейтенант, влезайте в машину, – тащил меня за ремень Емельян Иванович, опасаясь за мою жизнь.

Через приоткрытый люк мы услышали артиллерийскую канонаду, разразившуюся у нас в тылу, – сотни наших орудий и минометов открыли ответный огонь по врагу! Потом послышался гул низколетающих самолетов, и мы с радостью увидели девятки наших штурмовиков Ил-2, волнами шедших в сторону немцев!

Спустя полчаса все стихло. Только высоко-высоко в небе слышалось четкое отстукивание автоматических скорострельных авиационных пушек и пулеметов – там, в небе, продолжали ожесточенный воздушный бой наши летчики.

Минутное затишье сменила канонада интенсивного обстрела со стороны противника! С характерным воем неслись снаряды шести- и десятиствольных минометов – это артиллерия противника прикрывала выдвижение своих войск. Наступление началось! Через командирскую панораму я осматривал фронт обороны бригады – и повсюду видел вражескую боевую технику! В первом эшелоне, выползая из кустарников, обрамляющих истоки Оки и Неручи, медленно двигались танки, за ними – штурмовые орудия и мотопехота на бронетранспортерах. Продвигались они клином, как в старину крестоносцы, и во главе, по всем признакам, шли «фердинанды», защищенные 200-мм броней, подумал: сегодня потрудней нам придется, тяжело будет отбить такую мощную атаку. В самоходке царила напряженная тишина, видно, не к месту были слова. Валера Королев замер у прицела, периодически протирая запотевавшие линзы окуляра, остальные тоже прильнули к приборам, молча наблюдая за грозно надвигающимся противником. Все, наверное, думали об одном: устоим или не устоим? – ведь сегодня танков и штурмовых орудий наступает в несколько раз больше, чем у Змиевки. И все-таки я чувствовал, на этот раз люди волновались меньше, чем перед первым боем.

– Немец, пока не получил по зубам, лезет нахрапом, – заговорил я, стараясь подбодрить свой экипаж. – Подпустим головной танк метров на пятьсот, подождем, а там и за другие возьмемся. – А сам мучительно думал: а если «фердинанд» напрямую поперет? Это мощнейшее тяжелое штурмовое орудие, он ведь и протаранить может боевые порядки.

Перед вражескими танками первой линии по всему фронту наступления появились дымчато-черные шапки разрывов и огненные вспышки, если снаряд ударял в танк, – это наша артиллерия поставила заградительный огонь. Часть снарядов, угодив в броню, рикошетом уходила в глубь боевого порядка наступающих, оставляя за собой огненный конус. Но ни один танк пока не загорелся! Стальная армада продолжала движение, приближаясь к нашей обороне. По радио я предупредил Леванова, командира моей второй самоходки, чтобы до нашего выстрела огонь не открывал, но сейчас, перед самым боем, решил побывать в его экипаже. Пригибаясь, под свист пуль, вой мин подбежал к машине младшего лейтенанта, постучал по крышке люка и влез в башню. Встретили меня с удивлением, и в настроении людей не ощущалось особого мужества, что меня раздосадовало:

– Чего приуныли?! Ваша гаубица за пятьсот метров пробьет и «тигра», и «пантеру»! Да и укрыты вы надежно, окопались как следует! Будем насмерть стоять! Главное – выдержка, никаких поспешных действий! Бить только наверняка! Это и просьба, и приказ!

Подбодрив, как смог, приунывший экипаж, я умчался к своей самоходке и, уже влезая в люк, увидел, как машина Фомичева, командира 1-го взвода, вышла из окопа и, маскируясь задымлением переднего края, на большой скорости проскочила в заросший кустарником овраг метрах в двухстах от позиции батареи. Этот маневр был сделан, как видно, по решению комбата с тактической целью: в решающий момент нанести внезапный огневой удар по флангу наступающего противника.

Расстояние до фашистских танков все еще было велико, поэтому экипажи легких танков бригады не стреляли. Молчали и наши самоходки, но наводчики наверняка, как наш Королев, держали головные машины противника на угольниках прицелов. Напряжение нарастало

от минуты к минуте. В утренних лучах солнца мы уже отчетливо могли разглядеть среди различных танков противника прямоугольные корпуса и вертикальную бронировку «тигров», их характерный коричнево-желтый камуфляж. В направлении нашего взвода двигалась громадина тоже с большой пушкой, имеющей дульный тормоз, башня этого монстра не вращалась – мы поняли, что это «фердинанд». У меня выступил холодный пот – чего я опасался, то и произошло! Как с ним бороться?! Что делать?! А времени на размышления нет, вот-вот раздастся команда на поражение! Стоп! Стоп! Есть решение! И пошли мои команды наводчикам взвода:

– Королев, как дам команду, бей по правой гусенице! Кузин, ударишь по левой!

Немцы уже открыли огонь, но стрельба велась неприцельно, наугад, и снаряды, ударяясь о бруствер окопа или рикошетом о броню, с шипением уходили по касательной дальше. Противник явно пытался спровоцировать нас, вызвать огонь, чтобы загодя обнаружить и подавить наши огневые точки. Как видно, их командование не знало о появлении в обороне 13-й армии самоходного полка и вело наступление самоуверенно, лобовой психической атакой.

– Хорошо им, боекомплект в два раза больше нашего! – вознегодовал, будто прочитав мои мысли, Королев.

– Крепись, Валера, хладнокровие – залог победы, – успокоил начавшего нервничать наводчика.

До вражеских танков оставалось уже метров шестьсот, когда с КП полка наконец последовала команда. Орудие было уже заряжено, и Валерий, уточнив наводку, нажал на рычаг спуска, прокричав, как положено:

– Выстрел!

Все с напряжением следили – куда упадет снаряд?! Снаряд взорвался на правой стороне лобовой брони! Точно сработано! Но «фердинанд» продолжал идти как ни в чем не бывало!

– Валерий, бей вниз, по гусенице, когда пойдет на подъем!

Только с третьего снаряда Королев разбил гусеницу. На одной гусенице «фердинанд» пошел медленнее и с отклонением влево, но не успел пройти и несколько десятков метров, как Леша Кузин из экипажа Леванова перебил ему вторую гусеницу! И уже по стоящему «фердинанду» оба экипажа дали еще по три выстрела. Пять снарядов из шести попали в башню, и так оглушили экипаж, что немцы, выскакивая из башни, обеими руками держались за головы. Все это время самоходки комбата и Горшкова тоже вели огонь по танкам, медленно продолжавшим наступление. Самоходка Фомичева пока молчала. С момента открытия огня экипажам разрешалось работать на радиостанциях открытым текстом, я связался с Левановым, он доложил:

– Было рикошетное попадание бронебойным, но никто не пострадал.

И тут же я услышал переговоры комбата с Фомичевым:

– Петр, почему не стреляешь?!

– Владимир Степанович, еще рано.

– Я на тебя надеюсь! Но, смотри, не упusti момент!

Тем временем вражеские танки двух первых линий слились в единый боевой порядок, и к ним уже подходили танки третьей линии. Судя по тонким пушкам одних и коротким гаубицам других, это были легкие танки Т-III с 50-мм пушками и штурмовые орудия «фольксштурм», вооруженные 105-мм гаубицами. Для нас особой опасности они не представляли, но за их счет танковая лавина противника значительно возросла в количестве и мощи, своим навесным огнем они сильно досаждали пехотинцам в траншеях. Королев с ожесточением запустил подряд три снаряда в ближайший танк! Танк вспыхнул! И никто из него не выскочил! (Когда на этом участке закончились бои, мы узнали, что это был средний танк Т-IV, но с очень толстой, усиленной, броней.) Не успели выразить свой восторг, как по нашему окопу почти одновременно ударило несколько бронебойных снарядов! Как метлой, смело левый и правый брустверы, сшибло перископ заряжающего! Нижняя часть перископа, находящаяся внутри башни, упала на пол боевого отделения.

– Слава богу, легко отделались, только перископом по ноге досталось, – морщась от боли, ворчал Бессчетнов и уже открывал затвор для очередного заряжания.

Внезапно один из «фердинандов», наступавший в центре боевого порядка, остановился и закрутился на месте. Мы поняли, что сработала противотанковая мина или фугас. Еще два танка подорвались на минах. Но остальные безостановочно продолжали наступление. Экипажи вражеских танков остервенело били из пушек и пулеметов по траншеям и окопам пехоты, каждая «пантера» так хлестала из трех пулеметов, что наши бойцы не могли не только стрелять, даже высунуть головы из укрытий! А за танками несколькими цепями наступала пехота, обстреливая наши траншеи длинными очередями из автоматов и пулеметов. Чем ближе надвигался противник, тем сильнее была по нашим позициям вражеская артиллерия. От разрывов тяжелых снарядов, мин дыбилась и колебалась земля, нас вместе с самоходкой то подбрасывало, то заваливало землей, отчего мы не видели друг друга и становились слепыми в стрельбе, приходилось под огнем выбираться наружу и протирать приборы. Один снаряд, разорвавшийся у самой башни, так осветил всю самоходку, что решили – всё! горим! Но это не вызвало растерянности у экипажа, Плаксин и Бессчетнов схватились за огнетушители и тут увидели, что левановцы и комбат подожгли каждый по танку, – лица у моих буквально просветлели! Из обоих горевших танков выскакивали экипажи – двое из одного, трое из другого, все в черных майках и черных беретах, но тут же попадали под пулеметный огонь танков бригады.

– Товарищ лейтенант, разве им разрешается покидать подбитые танки? – спросил Олейник, видевший через триплекс, как немцы выпрыгивали из башни.

– Не знаю, Витя, но если покидают, значит, разрешается.

Удивление его было понятно, у нас танк оставляли, только если он загорелся или так разбит, что ни стрелять не может, ни двинуться с места, – тогда, с опаской, покидали машину, а то могут и трусость приписать. Тут многое срабатывало, некоторые по своему патриотизму не бросали, до последнего оставались, а некоторые из-за боязни последствий. Но, как правило, у нас, если танк не загорелся, может стрелять – он должен стрелять. А немцы бросали свои, даже когда танк не загорелся, только сильно ударило по нему. У нас технику ценили выше, чем людей, так мы были воспитаны.

Хотя наши войска находились в обороне, зарывшись в землю, но все – бригада, полк, не говоря уже о стрелковой дивизии, несли потери. Перед фронтом батареи загорелся танк Т-70, правее горели еще два танка и самоходка.

В грохоте боя я не услышал, а увидел его: большой язык пламени, выскочивший из ствола пушки в овраге! Спустя секунды охватило пламенем крайний с правого фланга немецкий танк! Это сработал Фомичев, когда танк оказался метрах в трехстах от его самоходки. Буквально через мгновение машина его исчезла – скатилась в овраг, и вскоре вышла в другом месте: замаскировавшись в кустах, продолжала вести огонь.

Из штаба полка пришло предупреждение:

– Подготовиться к уничтожению противотанковых торпед на гусеничном ходу. По виду они похожи на танкетки, но начинены взрывчаткой и предназначены для уничтожения танков и самоходок. Обезвредить их можно только снарядом или противотанковой гранатой.

Такое сообщение нас не обрадовало, в нашем боекомплекте были только гранаты Ф-1. Значит, вся надежда на Королева и нашу гаубицу.

– Валера, по этим адским машинам будешь бить осколочными снарядами, – предупредил Королева. – Если не будет прямого попадания, ее может перевернуть вверх гусеницами или положить на бок.

– Понял, товарищ лейтенант! Отнюдь не промажем! – «отнюдь» было любимым его словом.

Но немцы, потеряв много танков и живой силы, начали отходить.

Вторая атака.

Остановившись на выгодных позициях, противник приступил к подготовке новой атаки. Около шестидесяти самолетов в течение получаса наносили бомбовые удары по нашей обороне! Следом артиллерия и минометы перепахали всю передовую! – выкорчевало почти все проволочные заграждения, засыпало грунтом окопы, траншеи, ходы сообщения пехоты; сильно пострадала и артиллерия, стоящая на прямой наводке; были частично разрушены и наши окопы.

Едва смолкла артиллерийская канонада, перестали рваться снаряды и мины, сразу повыскакивали из машин экипажи самоходок и танков, стараясь как можно быстрее привести в боеготовность свои машины. Из порушенных стрелковых окопов неслись стоны, крики о помощи – там уцелевшие после бомбежки и артподготовки лихорадочно разгребали завалы, вытаскивая из-под земли и бревен живых и мертвых, и, будто тоже из-под земли, возникли три молоденькие санитарки, склонились над ранеными. В эти напряженные минуты кратковременного затишья я старался не думать о танкетках, но тревожные мысли назойливо лезли в голову: как с ними бороться? А пока изучали экипажем трофейные пулеметы МГ-34 и МГ-42. Первый был станковый, второй – ручной, оба калибра 7,92 мм, пулеметные ленты тоже одинаковые, оба достаточно легкие и с воздушным охлаждением. Я всегда сочувствовал нашим бедолагам-пулеметчикам с их четырехпудовыми «максимами», которые приходилось таскать на себе по бездорожью в жару и мороз, по глубокому снегу и по колено в грязи, мы, как могли, старались помочь им, десантируя на самоходки при попутных передвижениях.

Недолгое затишье закончилось новым наступлением вражеских войск. Теперь их танки и самоходки шли за дымовой завесой, вынудив нас вести огонь почти вслепую. А тут еще из-за дыма вынырнула треклятая танкетка – и ползла она прямо на нас! Черная, приземистая, примерно метровой высоты коробка на гусеницах ловко маневрировала в складках местности, поскольку она обходила препятствия, мы поняли, что управляет ею оператор, но не знали как, с помощью проводной связи или по радио. По обе стороны от первой появилось еще две! По всем трем танкеткам сразу открыли огонь из орудий, Королев и Кузин били по той, что шла на машину Леванова. В это время я услышал по радио, как Фомичев из своего оврага просит Шевченко: «Помогите автоматчиками! Фрицы насаждают, а у меня заклинило гусеницу! Нужны ремонтники с автогенем!». Вскоре к нам пробрался зампотех Ишкин, он должен возглавить группу ремонтников и на всякий случай решил взять у нас трофейный пулемет. Мы дали ему ручной МГ-42 с двумя лентами патронов по 250 штук в каждой, показав, как действовать при пулемете. Через минуты я увидел, как в сторону оврага выдвинулись по-пластунски рота автоматчиков и бригада ремонтников.

Пока большинство экипажей были заняты борьбой с танкетками, немцы подожгли еще три легких танка бригады и один Т-34, сгорела и одна самоходка полка. Но пылали и три танка противника. Теперь во главу клина выдвинулись «фердинанды». Несмотря на точные попадания в лоб наших снарядов, они безостановочно шли вперед, приближаясь к передовой. Чуть опережая их, ползли танкетки со своим смертоносным грузом – целые веера трассирующих пуль отскакивали от их корпусов, не нанося им никакого вреда, а от прямых попаданий орудий, минометов и противотанковых ружей их спасали операторы хитроумным маневрированием на местности. По взрывоопасным танкеткам открыли огонь и скорострельные зенитные пушки с ближайших огневых позиций – но тоже пока безрезультатно! Эта неуязвимость стала пугать экипажи, все понимали: еще несколько минут промедления – и наши танки и самоходки начнут взлетать на воздух! Наконец, всем на радость, с оглушительным взрывом исчезла одна страшная танкетка, подошедшая ближе других к переднему краю, вероятно, ее все-таки подбили зенитчики. Но еще две торпеды, обходя сгоревшие танки, продолжали свое жуткое движение! Одна по-прежнему шла на машину Леванова, другая – на экипаж уральцев старшины Саши Минина.

Приказав наводчику бить по «тигру», стрелявшему из-за холма, я пытался выйти на связь с Левановым. В эфире, как всегда, творился невообразимый хаос, мешались обрывки немецких фраз, резкие разговоры, команды наших командиров. С большим трудом установил наконец связь и, дав команду перейти на запасную волну, передал Леванову короткое распоряжение:

- Иван, бей только по танкетке! И проверь готовность машины на случай выхода из окопа!
- Понял, выполняю!

Его наводчик израсходовал на танкетку уже три снаряда, но не добился прямого попадания, окаянная подползала все ближе и ближе! Мы же никак не могли ему помочь, продолжая дуэль с «тигром» – он избрал нас своей мишенью, и в этом единоборстве сила была не наша, мы сражались в разных весовых категориях: в любую минуту он мог зажечь нас, и если бы не маскировка дымовыми гранатами... Очередным выстрелом Королев всадил наконец снаряд под самую башню «тигра», заклинил ее – пушка вражеского танка потеряла возможность поворачиваться! Прикрывшись дымовой шашкой, «тигр» развернулся и в облаке дыма начал отходить, в этот момент Валерий выстрелил ему вдогонку – и попал! Экипаж выскакивал из башни и падал плашмя на землю. Длинная очередь из трофейного пулемета, выпущенная заряжающим Плаксиным, прошла над башней – мимо черномаечников! Промазал наш Вася! Уязвленный Василий поносил фрицев вместе с их фюрером, пока его не притормозил Олейник:

– Вася, ты хоть и поднаторевший пулеметчик, но не умеешь стрелять по прыгающим фрицам – целился в головы, а попал в белый свет, как в копеечку. Вот если б ты целился в мягкое место, попал бы как раз в головы.

– Тоже мне, инструктор нашелся, – обиделся Василий, – не понимаешь, что пулемет-то не наш, пристреляться надо.

– Точно! – вступил Валерий. – Отнюдь не хочет он по своим бить!

– Валерий! Цель – ближайший танк! – скомандовал Королеву, прервав перепалку. В то же мгновение самоходку сильно потрянуло и разом охватило пламенем моторное отделение. Экипаж заволновался, заживо сгореть никому не хочется!

– Виктор, сбивай пламя двигателем! – приказал Олейнику.

Взревел мотор, с визгом крутанув мощный вентилятор, и пламя, оседая, уменьшаясь в размерах, упало вниз. Но, как только завели мотор, вновь появился сначала дымок, потом тоненькие блики огня. Схватив огнетушитель, я выскочил на крышу моторного отделения. Пенистая струя из раструба упорно боролась с бело-синим пламенем горевшего масла и наконец свела его на нет. Влезая обратно в башню, окинул взглядом поле боя и с холодящим сердце изумлением увидел, что примерно на полпути к оврагу отбивают атаку фашистов недавно ушедшая рота автоматчиков и ремонтники, а на самоходке Фомичева во весь рост стоят немцы в темных эсэсовских мундирах! Сомнений не было, экипаж Фомичева попал в ужасное положение!

– Плаксин! По фашистам на самоходке Фомичева! Из пулемета! Огонь! – скомандовал заряжающему.

Под длинными очередями опытного пулеметчика эсэсовцы, как подкошенные, валились кто на броню, кто на землю; а я уже докладывал комбату о ситуации в овраге.

Напряженность боя на главном направлении нарастала. Особо напирали «фердинанды», непробиваемость этих монстров начинала вызывать дрожь. Наконец экипажу старшины Завьялова удалось сначала разбить гусеницу, а затем ударом в борт и поджечь головное орудие. Это охладило пыл всех вражеских экипажей, и темп наступления заметно снизился. Но мощная танковая лавина по-прежнему своим клином давила на нашу оборону, силы обороняющихся были уже на пределе, а немцы вместо подбитых и сгоревших танков выдвигали все новые и новые – из второго, третьего эшелонов.

По самоходке Порфирия Горшкова, она находилась в пятидесяти метрах от левановской, почти одновременно ударило несколько снарядов, машину сильно потрянуло, и она загорелась.

Из башни никто не выскочил! Леванов с замковым Халиловым под сильным артиллерийским и пулеметным огнем бросились спасать экипаж! Пытались открыть люки, но оба люка – и командирский, и водителя, перекосило и заклинило! Кричали замурованным, чтобы открыли аварийный люк, но, видно, в грохоте разрывов их не услышали, хотя сами они уловили внутри какой-то стук. Со спазмами в горле ползли ребята к своей самоходке, горько переживая гибель экипажа, свое бессилие помочь товарищам.

Между тем две танкетки, оставшиеся нетронутыми, продолжали упорно идти вперед, хотя густой дым от горящих танков, видно, сказался на механизмах, управление ими ухудшилось: теперь они шли только прямо, перестав маневрировать. Но та, зловещая, нацеленная на самоходку Леванова, продолжала ползти к своей цели, оставалось несколько метров, через считанные минуты или оператор нажмет на кнопку, или от столкновения произойдет взрыв!

– Леванов! Бросай дымовую гранату и выводи машину! – дал команду на пределе времени.

– Понял, выполняю! – сразу отозвался командир.

В одно мгновение перед самоходкой образовалось облако коптящего дыма, и машина, фыркнув двигателем, выскочила из окопа! Танкетка же с ходу вскарабкалась на бруствер, скатилась вниз и с такой мощностью взрыва рванула в пустом окопе, что окоп превратился в огромную воронку, а разлетевшиеся с дикой силой куски разорванного корпуса этой «ходячей бомбы» все-таки догнали машину Леванова, повредив бронировку гаубицы! Однако людей и машину удалось сохранить!

Последнюю танкетку, шедшую на самоходку Минина, наводчику Павлову удалось близко разорвавшимся снарядом перевернуть вверх гусеницами, гусеницы еще продолжали вращаться, но уже вхолостую, когда второй фугасный снаряд слегка подбросил танкетку, и в то же мгновение она озарилась мощным огненным взрывом, от которого содрогнулся и остановился поврежденный осколками шедший рядом вражеский танк.

В этот, наверное, самый трудный переломный момент боя мы увидели, как мимо нас навстречу вражеским танкам пробежала большая чепрачная овчарка с грузом и штырем на спине – обошла левановскую самоходку и бросилась прямо под «тигра», идущего впереди наступающих. Раздался оглушительный взрыв с взметнувшимся языком пламени – и 55-тонный стальной «зверь» развалился на две горящие части! Правее и левее послышалось еще несколько взрывов такой же силы. После боя мы узнали, что на нашем направлении было пущено десять собак, специально обученных для подрыва танков, и все сработали результативно – истребили 10 танков.

Уничтожение танков собаками сбило наступательный порыв немцев, но они не хотели смириться, продолжали решительно и агрессивно сражаться. Еще с полчаса шла ожесточенная битва, и наконец, не добившись успеха, немцы вынуждены были отойти на исходные позиции.

И тут мы узнали, что экипаж Порфирия Горшкова чудом остался жив! После боя мы бросились к его самоходке, там сгрудились батарейцы, и горшковцы наперебой рассказывали, как все было. Люди уже задыхались, закупоренные в машине, пламя перебиралось из моторного в боевое отделение, все люки оказались намертво замурованы; надежда оставалась только на аварийный выход в днище машины, его тоже заклинило, но по нему удобнее было бить. Задыхаясь от гари, сменяя друг друга, экипаж тяжелой кувалдой долбил перекошенный люк, все уже выбились из сил, каждый мысленно прощался с жизнью.

– Но лейтенант наш оказался покрепче, – рассказывал наводчик Вася Цыбин, похожий на вылезшего из топки кочегара, – на втором заходе так шибанул, что сбил шарнир, люк чуть подался вниз, еще два раза саданул – и люк вертикально повис над землей! Командир наш вылез последним в уже загоревшемся комбинезоне, но с двумя огнетушителями и сразу же бросился тушить пламя, сначала через жалюзи, потом через люк моторного отделения. Мы

тоже начали гасить пламя, кто землей, кто брезентом. Потом сумели открыть верхний люк, не дав загореться боеприпасам, тем и спасли машину...

На броне лежала кувалда, которой они пробивали себе путь к жизни из «крематория», а весь экипаж все еще кашлял и учащенно дышал, стараясь побольше вдохнуть кислорода. Мы с радостью всматривались в их черные лица. Удивительный это был экипаж! Интернациональный! Командир Порфирий Горшков – удмурт, наводчик Вася Цыбин – русский, механик-водитель Качкун Мукубаев – казах, заряжающий Назар Кушбеков – узбек, замковый Егор Гордиенко – украинец. Надо сказать, в танковые войска из других национальностей, кроме русских, украинцев и белорусов, призывали только хорошо образованных и знающих русский язык, так как все команды в бою должны выполняться мгновенно и правильно, стало быть, все члены экипажа должны даже думать по-русски, чтобы не терять время на перевод на свой язык. Таким и был этот экипаж.

Третья атака.

Судя по тому, как шли дела, рассчитывать на сколько-то длительную передышку не приходилось. И ко всему, хотя время уже перевалило за полдень, жара стояла несусветная, пот ручьями стекал по лицу, очень хотелось пить, но обе наши фляги давно опустели, нужно было терпеть до позднего вечера, когда прервутся бои. Был соблазн набрать воды из системы охлаждения двигателя, но мы на это не пошли, сберегая мотор.

Около четырех часов дня до сотни бомбардировщиков снова нанесли удар по нашей обороне, и следом артиллерия и минометы в течение сорока минут вели непрерывный массированный огонь по участку первого эшелона стрелковой дивизии. Только что восстановленные оборонительные сооружения были снова разрушены и перемешаны с землей. Центр этих бомбардировок находился в стороне от нашей батареи, но и нас кольхало больше часа.

И началась новая атака немцев! И опять крупными силами! На батарею шли три вражеских танка при поддержке штурмовых орудий и пехоты. Комбат Шевченко мастерски управлял огнем батареи, нанося сосредоточенные удары по идущим впереди танкам. Батарея смогла один танк поджечь и один подбить, остальные танки и штурмовые орудия вынуждены были сдвинуться к центру боевого порядка. И все-таки на этот раз врагу удалось вклиниться в нашу оборону, правда, не на нашем участке. Мы это поняли по напряжению боя правее нас. Повернув командирскую панораму, я неожиданно увидел, как наш комбат с ловкостью кошки мгновенно выскочил из башни самоходки и исчез в траншее; через пару минут он уже полз по-пластунски в нашем направлении. Прыгнув на самоходку и укryвшись за башней, комбат через целлюлозную пленку командирской планшетки показал мне по карте, а потом рукой на местности рубежи и населенные пункты, которые с трудом просматривались сквозь дымы и марево горящих изб и строений:

– Вася, ты со своим взводом пойдешь в контратаку, надо выбить противника, вклинившегося на северо-восточную окраину Поньрей. В контратаке будут участвовать по одному взводу от каждой батареи полка, рота «тридцатьчетверок» бригады и стрелковый полк. Исходный рубеж – роща северо-западнее совхоза имени 1 Мая. Выход – немедленно!

Передав сигнальными флагами Леванову приказ «делай, как я», дал команду механику:

– Виктор, на максимальной проскакиваем в рощу!

Через четверть часа взвод был на исходной позиции. Сюда же прибыли и остальные подразделения. Замкомполка майор Мельников на опушке рощи ставил экипажам задачу:

– Нам нужно вклиниться в боевые порядки немцев и соединиться с танковым полком, наступающим с запада. В ходе атаки к нам присоединится пехота, через позиции которой мы будем проходить. Ближайшая задача: как можно быстрее пройти открытую местность и навязать противнику уличный бой на коротких дистанциях. Сигнал к атаке: три красные ракеты.

Командиры быстро разошлись по местам. И уже взвились в небо ракеты.

– Идем на максимальных скоростях зигзагами! – приказал Олейнику, и самоходка рванулась вперед.

Немцы незамедлительно открыли по нам огонь. Хотя я был уверен в своем экипаже, но периодически посматривал на сосредоточенные лица людей. Мотор ревел от перенапряжения, самоходку подбрасывало на воронках, все крепко держались за ручки на сиденьях, чтобы не набить синяков, хотя на головах у всех были шлемы⁶. Снаряды рвались в нескольких десятках метров то по сторонам машины, то сковыривали землю перед нами и пролетали дальше, означая свою траекторию чуть заметной трассой. Получили и несколько рикошетных ударов по корпусу и башне, иногда за этим следовал разрыв снаряда с пламенем, ослепляя экипаж; два раза казалось, что самоходка горит, так, видно, думали и немцы, потому что на несколько минут вдруг прекращали обстрел, но затем возобновляли с новой силой. Танки бригады тоже на предельных скоростях шли на сближение с противником, маневрируя в складках рельефа, ведя огонь с ходу из пушек и пулеметов. Атака получалась слаженной, решительной и внезапной для немцев, но контратаковать под таким огнем на открытом пространстве – очень тяжело! Танкисты и самоходчики дымовыми гранатами неплохо имитировали горение своих машин, и все-таки где-то на середине нейтральной полосы немцам удалось поджечь два танка. По идущей впереди нас «тридцатьчетверке» бил из пушки спрятавшийся в саду танк.

– Виктор, за холмом стой! – дал команду Олейнику. И тут же наводчику: – Валерий! По танку! В створе трубы, прицел постоянный! Огонь!

Прогремел выстрел. Перед самым вражеским танком взметнуло землю.

– Целиться по центру! Огонь! – скорректировал прицел.

От второго выстрела на лобовой броне танка вспыхнуло пламя, и машина задним ходом скрылась в глубину сада.

Вращая командирскую панораму, бегло осмотрел поле боя. Кругом пылала неубранная перезревшая рожь. Экипаж Леванова вел огонь, укрыв самоходку в воронке от авиабомбы. Горели уже три наших танка и одна самоходка, но атака продолжалась в том же высоком темпе. Пехота наступала вместе с самоходками, прячась от огня за корпусами боевых машин, командиры берегли бойцов для решительной схватки в траншеях. За нашей самоходкой наступал взвод из тридцати человек под командованием младшего лейтенанта, к сожалению, не запомнил его имени, до атаки мы успели перекинуться лишь несколькими фразами. Это был русский богатырь из Сибири, воевал с первого дня войны, за исключением двухмесячного лечения в госпитале и еще три месяца учился в Рязани на курсах младших лейтенантов. Короткое фронтное знакомство, но тогда больше и не требовалось, чтобы почувствовать человека, понять, что на такого командира можно положиться в любом бою. Почему-то запомнились его огромные ботинки из свиной кожи с обмотками, накрученными чуть ли не до колен, совсем не подходившие его симпатичному мужественному облику и богатырскому росту.

После расправы с танком наша самоходка снова шла вперед. Чуть впереди слева загорелся еще один танк бригады, из башни выскочили только двое. В поселке горело уже с десяток домов, скрывая дымовой завесой обзор немцам, их танкам и самоходкам приходилось вести огонь почти вслепую, и рикошетные удары по нашей броне стали реже. Но теперь нависла угроза пострадать от огня собственной артиллерии, мы входили в зону ее огня, у нас в таких случаях говорили: «Бей по своим, чтоб чужие боялись», – такое случалось, когда мы молниеносно продвигались в полосу, где только что были немцы, а наши артиллеристы этого не знали и продолжали бить уже по своим. На этот раз, слава богу, Мельникову, он следовал на командирском танке за батареей, удалось своевременно связаться с артиллеристами и предупредить

⁶ Правильно говорить просто «шлем», но у нас, танкистов и самоходчиков, так не было принято, мы говорили «танкошлем». И ведущего боевую машину не называли «водитель» – а «механик-водитель» или «механик». Так же и про сами танки и самоходки не говорили «машина» – а «боевая машина». Но в книге часто приходится этим поступаться.

о необходимости переноса огня в глубь вражеской обороны. Бой достиг предельной напряженности! Теперь все зависело от быстроты и решительности действий обеих сторон! На некоторых участках немцы переходили в контратаки, завязывались невиданной жестокости смертельные рукопашные, в ход шли автоматы, гранаты, штыки!

– Виктор! В створе полуразрушенного здания врывайся в поселок! – приказал Олейнику.

– Понял! Иду на траншеи!

На нашем направлении немцы тоже выскакивали из траншей, бросаясь в контратаку, я успел метнуть в траншею две гранаты, пока самоходка, подмяв под себя несколько вражеских солдат, перемахивала через окоп.

Подскочили к большому кирпичному зданию, сзади с характерным воющим шипением пролетела болванка – едва-едва успели избежать попадания!

– Поставь машину справа от дома! – мгновенно отдал команду Олейнику.

Теперь нас с немецким танком разделяло всего полсотни метров – проще говоря, два дома. Такое соседство не обещало ничего хорошего. Экипажу Леванова я помахал шлемом над головой, что означало «начать радиообмен».

– Иван, за вторым домом от нас стоит танк. Разверни самоходку и держи на прицеле оба угла дома! Не допусти его отхода!

Мы молча ждали, когда экипаж танка начнет движение, а сами приготовились уничтожать истребителей танков: я стоял в проеме люка с гранатами, рядом – Вася Плаксин с пулеметом. Что-то заставило меня обернуться, и внезапно я оказался свидетелем наскока бежавших за нами пехотинцев на вражескую траншею: мгновенно завязалась ожесточенная рукопашная, мой знакомый сибиряк, подхватив винтовку у падающего бойца, в мгновение ока сильными штыковыми ударами проколол двух немецких солдат, пытавшихся вести огонь из автоматов, затем молниеносно прыгнул в траншею и уже орудовал штыком и прикладом в гуще опеших фрицев! Мы с Плаксиным с перехваченным дыханием наблюдали за происходящим и вдохнули, только когда все было кончено.

– Товарищ лейтенант, разрешите пробраться к танку, подкину им связку гранат, – услышал голос Бессчетнова.

– Нет, Емельян Иваныч, нельзя, там наверняка рядом их автоматчики. Надо выждать, не выдержат фрицы, начнут отходить, инициатива-то в наших руках.

Прошло еще две-три минуты томительного ожидания, а немцы за домом зловеще молчали, хотя рядом шел сильный бой. Сколько еще нам ждать?! Решаюсь послать на разведку Плаксина, надо посмотреть, что делают немцы – то ли к атаке готовятся или, может, танк ремонтируют? Василий выбрался через аварийный люк и пополз сквозь кустарник к углу дома. Вскоре мы услышали сильный взрыв, и тут же прибежал Василий, забрался в башню и, охая, прижимая ладони к ушам, громким голосом стал рассказывать:

– Только дополз до траншеи, хотел спуститься, вдруг из окопа рука высунулась со связкой гранат! Думать некогда, стрелять вроде ни к чему, я и саданул по руке стволом автомата! Связку-то и выбило из руки, взорвалась у них же, в траншее! Меня отбросило аж метров на пять! До сих пор звенит в голове! Товарищ лейтенант, ведь он, фриц этот, точно хотел те гранаты под нашу самоходку бросить!

Вдруг завелся мотор вражеского танка, и, судя по усиливающемуся реву, немцы начали движение. Через несколько секунд со стороны, где стояла машина Леванова, прогремел оружейный выстрел. Я выскочил из машины и глянул из-за угла дома на танк. Танк стоял недвижимо! Левая гусеница сбита, экипажа не видно! Стало быть, бросили немцы свой танк!

– Молодцы левановцы! Продолжать наступление! – последовала моя команда по радио, и мы, вместе с танками и подошедшей пехотой, стали медленно продвигаться от рубежа к рубежу, ведя огонь с коротких остановок.

Немцы свирепо отстреливались, но отступали, чтобы не оказаться в кольце. Свои боевые порядки они задымляли из какой-то мощной дымовой установки. Увидев сквозь пелену силуэт движущегося на нас танка, скомандовал наводчику:

– Валерий! По танку, прицел постоянный. Огонь!

Пока наводчик искал в дыму цель, я выглянул из люка и невооруженным глазом рассмотрел, что на нас движется... «тридцатьчетверка»!

– Отставить огонь!!! – выкрикнул не своим голосом и, выстрелив зеленой ракетой, означающей «свои войска», обтер рукавом холодный пот.

Так мы встретились с наступающими с запада танками, и враг был выбит из Понырей. Потом мы узнали, что это были танки 27-го гвардейского танкового полка.

Солнце только начинало клониться к закату, но немцы прекратили наступление и отошли на исходные рубежи, оставив на поле боя побитую и сгоревшую технику, погибших солдат.

На этом и закончились в тот день атаки противника.

Стрелковые подразделения занимали отбитые у врага позиции. Вспотевшие от жары и физической нагрузки санитары проворно уносили к санитарным машинам наших раненых, как и раненых немцев, брошенных своими при поспешном отступлении. Одновременно собирали погибших, складывали тела в кузов грузовика; среди убитых были и погибшие в предыдущих боях, их находили на нейтральной полосе, от нестерпимой жары тела уже начали разлагаться.

После боя

Возвращались мы на основные позиции тем же путем, что наступали, дабы не напороться на немецкую или свою противотанковую мину. Поставив самоходки в окопы, экипажи набросились на только что привезенный хозяйственниками бак с холодной водой! Взахлеб, крупными глотками пили живительную влагу, утоляя многочасовую жажду! Потом, приведя в готовность и замаскировав самоходки, с полчаса выбивали пыль и въедливый, проникший в каждую пору лесс, пропитавший шлемы, комбинезоны, обмундирование, даже кирзовые сапоги. С трудом отмывали чумазые лица и шеи, экономно поливая друг друга на руки из танковых фляг. Одновременно наперебой обменивались подробностями боев здесь и в Понырях.

Самоходчики Фомичева рассказали об ожесточенной схватке в овраге. Очень они мешали наступлению немцев, занимая, можно сказать, стратегическую позицию, вот и решили немцы с ними расправиться. Первую атаку фомичевцы отбили, и фрицы отошли, оставив сгоревший танк и десятка два убитых. Перед второй атакой немцы решили провести артподготовку: минут пятнадцать-двадцать били по оврагу из орудий и минометов. Одним прямым попаданием самоходку сильно потрянуло. Водитель Гриша Викулов вылез из своего люка и увидел, что между резиновыми бандажами второго и третьего катков застрял, не взорвавшись, снаряд крупного калибра, это означало, что самоходка не может даже тронуться с места, не то что двигаться. И тут, сразу с трех сторон, поднялась в атаку вражеская пехота с истребителями танков. Фомичев доложил комбату о ситуации, Шевченко обещал помочь (этот разговор я слышал по рации). Наводчик Коля Лапшин успел сделать несколько выстрелов из гаубицы, пока неприятель был в секторе обстрела, затем экипажу пришлось отбиваться автоматами и гранатами. Но вскоре закончились и эти боеприпасы. Оставалось только закрыть люки и ждать помощи от своих.

Немцы, поняв, что самоходка беззащитна, приблизились вплотную. Офицер с группой солдат взобрался на машину, стучал пистолетом по крышке люка и на коверканном, но понятном русском, произнося отдельно каждое слово, предложил экипажу сдаться. Фомичев ответил, что ни он сам, ни его солдаты сдаваться не собираются. Им дали десять минут на размышление. В этот момент и ударил с нашей самоходки пулемет Плаксина. Большинство немцев, стоявших на самоходке Фомичева, были убиты, остальные растерялись, забежали, что-то кри-

чали друг другу. И тут послышалось русское «ура» – подоспевшие автоматчики и ремонтники атаковали врага. Схватка была короткой. Немцы поспешно отступили, оставив убитых. Запотех лейтенант Ишкин расцеловал спасенный экипаж, потом попросил всех отойти в укрытие и сам, один, каждую секунду рискуя жизнью, прикрепил к застрявшему снаряду тонкий трос. Тянули трос из-за угла оврага несколько человек, и снаряд наконец подался, вышел из зацепления, стукнувшись о гусеницу... и не взорвался. Все-таки, от греха, его осторожно выволокли из оврага и затащили в воронку. Потом искривленную ленту гусеницы разрезали автогеном и, заменив пару траков, быстро одели заново. Они еще регулировали натяжение гусеницы, как началась новая атака противника! Впереди двигались три легких танка Т-III, следом шла пехота, стараясь держаться с тыльной стороны нашей самоходки, считая ее неисправной. Когда пехоту немцев на минуты скрыл рельеф и они не могли видеть самоходку, Гриша Викулов мгновенно развернул машину на 180 градусов и поставил в кустарник у противоположного ската оврага. Подпустили танки поближе, и Коля Лапшин, наводчик Фомичева, точными выстрелами поджег два из них; третий, маскируясь дымом, ушел восвояси. Однако вражеская пехота наступала на широком фронте, с большим численным преимуществом, и не устоять бы взводу наших автоматчиков, но внезапно из небольшого каньона в скате оврага застрочил пулемет – это Ишкин и его ремонтник Леша Суслов длинными очередями из трофейного пулемета косили наступающих фрицев! Немцы, потеряв с десятков человек, сначала залегли, а потом и принялись отползать назад.

Узнали мы также, что во время нашей контратаки на Поныри противнику удалось вклиниться между полками первого эшелона дивизии, и две «пантеры» подошли к основным артиллерийским позициям. Здесь с ними вступили в бой три наших самоходки. Дрались на близком расстоянии. Самоходки выскочили внезапно и во фланг танков, тем получив большое преимущество. Бой был скоротечный и бескомпромиссный. Одну «пантеру» подожгла самоходка Савушкина. Вторую удалось подбить экипажам Самойлова и Завьялова, у нее заклинило башню, но до этого она успела зажечь машину Завьялова, а потом сумела отойти. Досталось и машинам Самойлова и Савушкина, ремонтировать их пришлось всю ночь. Оставшиеся в живых три члена экипажа сгоревшей «пантеры», несмотря на сильное сопротивление, были схвачены нашими разведчиками во главе с начальником разведки капитаном Солдатовым.

Многих в полку удивлял и восхищал этот поистине железный человек. Родом он был из города Верхняя Салда Свердловской области. Выше среднего роста, крепкого телосложения, отличной физической закалки. Человек большой силы воли, мужества и беспредельной преданности Родине. Иван Павлович постоянно учил своих подчиненных нелегкому мастерству войсковой разведки. Днем они изучали различные приемы захвата «языка», особые приемы борьбы с вражескими разведчиками, а также их язык – по русско-немецкому военному разговорнику. В расположении взвода разведки часто слышались стук и грохот, это отрабатывались приемы захватов, и уже ночью эти приемы применялись на практике. Мы все удивлялись: когда и спит ли начальник разведки?! Кроме данных, полученных из штабов бригады, дивизии, корпуса, Солдатов всегда имел что-то свое, уточненное, ценное.

Вечерело, казалось бы, можно и передохнуть, но меня да и других офицеров батареи подмывало желание сползая посмотреть на ближайшего подбитого, но не сгоревшего «тигра», хотя противник держал его под постоянным минометным огнем. Стали мы у комбата отпрашиваться. Шевченко, подумав, разрешил:

– Отпускаю двоих, Ишкина и Крысова. Танк мощный, надо оценить его сильные и слабые стороны. Но предупреждаю: ни в коем случае не вешать всем и каждому о преимуществах над нашими танками, а то можно и в штрафбат загреметь. И будьте предельно осторожны. Зайдите к командиру стрелковой роты, пусть выделит в проводники и для охраны двух автоматчиков.

К танку пробирались по частично уцелевшему ходу сообщения. На «тигра» выползали из-за башни и, чтобы не маячить сверху, спустились вниз головой в узкий круглый люк коман-

дирской башни. Больше всего поразили нас оптика и боеприпасы. Через оптический прицел с голубым оттенком ошеломляюще четко просматривалась вся местность – в том числе и наши позиции! На шкале прицеливания у них был дальномер, тогда как нам приходилось пользоваться формулой «тысячных» или просто глазомером; в обороне, конечно, можно определять расстояние по формуле и то не всегда, а в наступлении на это нет времени и оставалось нам полагаться «на глазок». Поразили нас и снаряды – тип и количество! Унитарные патроны и, надо сказать, очень большой длины, наверное, не меньше метра. В боеукладке для снарядов насчитали 92 гнезда, это большой боекомплект для такой мощной 88-мм пушки. Пока я осматривал вооружение и радиостанцию, Ишкин бегло изучал рычаги управления, приборы, тяги, педали.

Вернулись мы как раз к сбору офицеров. Комполка Самыко подводил итоги:

– За день боев подразделениями полка уничтожено пять танков и шесть подбито. Живой силы убито и ранено свыше ста человек. Наши потери: семь погибших и двадцать раненых. Сгорели две самоходки, еще пять подбито. Самый главный итог: свой участок обороны мы удержали! Более того, выбили противника из Поньрей, за что командующий фронтом генерал армии Константин Константинович Рокоссовский объявляет полку благодарность. Поздравляю весь личный состав! Большая честь получить одобрение от такого полководца!

Заканчивался напряженный боевой день, теплый ветерок шевелил вершины деревьев, волнами клонил высокую рожь, кое-где уцелевшую от боев и пожаров, багряно-красный закат словно напоминал, но и завершал, уводил в прошлое адское, кровавое дело уходящего дня.

Тяжелые оборонительные бои на Курском выступе мы вели еще долгие дни и ночи, продолжая отбивать по нескольку массированных атак ежедневно.

12 июля, по приказу командующего фронтом, мы покинули позиции у Поньрей, обогранные кровью наших однополчан. В тот день полк перешел в подчинение 9-го отдельного танкового корпуса генерал-лейтенанта Богданова и был придан 95-й танковой бригаде.

Начинался второй, наступательный, этап Курской битвы, обозначенный как план «Кутузов».

Глава четвертая

ИДЕМ В НАСТУПЛЕНИЕ ПО ПЛАНУ «КУТУЗОВ»

12 июля – 23 августа 1943

Бой за Глазуновку

Двое суток наш 1454-й самоходный полк, ведя скоротечные бои, продвигался на северо-запад в первом эшелоне танкового корпуса. Для выполнения главной задачи – овладения поселком и железнодорожной станцией Глазуновка сосредоточились в лесу возле населенного пункта Куначь на западном берегу реки Неручь.

Примерно в полдень над самым лесом прошли в сторону немцев штурмовики Ил-2 и бомбовыми ударами проутюжили немецкую оборону. Затем в течение четверти часа массированным сосредоточенным огнем била по врагу артиллерия. С ее последними залпами устремились в атаку наши танки, самоходки и пехота. Преодолевая сильный заградительный огонь артиллерии, мы подошли к железной дороге Курск – Орел и здесь попали под сильный обстрел танков и самоходных орудий. Загорелись два наших танка. Атака затормозилась. Источник огня просматривался из рощи, примыкавшей к железнодорожной станции, и большинство наших танков и самоходок, наступавших на левом фланге, сосредоточили огонь на этой роще. Открытая местность ставила наши войска в очень невыгодное положение, и впору было отступить, чтобы спасти боевые машины. Неожиданно с фланга на больших скоростях, рыская по полю, рванулись две наши самоходки: они мчались к южной опушке рощи, откуда стреляли вражеские танки. Продолжая вести огонь и медленно продвигаясь вперед, мы внимательно наблюдали за летящими в сторону врага самоходками. Корпуса боевых машин были буквально опоясаны черными шапками разрывов, освещававшихся пламенем при рикошетных ударах о броню, – а они шли как заколдованные сквозь целый рой смертоносных снарядов! Но радость наша вскоре омрачилась, одна из самоходок вспыхнула возле самой рощи, из горячей машины, сколько мог рассмотреть, выскочил только один человек.

Когда вторая самоходка заскочила в рощу и ослабел огонь противника, танки и самоходки на максимальных скоростях, ведя непрерывный огонь из пушек и пулеметов, ринулись на вражескую оборону и с ходу овладели восточной окраиной поселка. В первой траншее и отдельных домах разгорелись рукопашные схватки стрелков с вражеской пехотой. Некоторые дома по нескольку раз переходили из рук в руки. Немцы снова и снова поднимались в контратаки. Упорный бой длился уже больше часа, когда противник начал контратаку пехотой с танками в правый фланг наших наступающих войск.

В этой сложной обстановке командование в срочном порядке создало сводный отряд из танковой роты, двух батарей нашего полка, взвода огнеметных танков и двух рот мотострелков – с целью нанесения внезапного удара во фланг и тыл противника. Командовать соединением назначили начштаба полка майора Фетисова. Операция началась с нанесения сильного огневого удара. В это время отряд скрытно, в предбоевых порядках – готовности отразить атаки слева и справа, продвигался в тылы неприятеля. Майор Фетисов двигался за самоходками во взводе огнеметных танков, состоявшем из двух тяжелых танков КВ-1 с автоматическими танковыми огнеметами АТО-41, которые могли выбрасывать горящую жидкость на расстояние до двухсот метров. Кроме огнеметов каждый танк имел 76-мм пушку и два ДТ – дегтяревских танковых пулемета калибра 7,62.

Благодаря внезапным решительным действиям нашему отряду, который по своему боевому назначению нельзя было назвать ни передовым, ни разведывательным, удалось про-

рваться в тылы, всполошив и заставив противника быстро перестраивать боевые порядки. Чем мы и воспользовались! Сразу подожгли четыре самоходных орудия и танк! Отряд же потерял один танк Т-34 и была подбита самоходка лейтенанта Мирошникова, сам командир был тяжело ранен, но не покинул боя, эвакуировали его уже потерявшим сознание.

Противнику удалось восстановить систему огня и повернуть ее против отряда. Наше продвижение сразу затормозилось. Все экипажи вели огонь с места, укрываясь, по ситуации, за домами, в усадебных садах, за брустверами отвоёванных траншей. Вскоре вызванная Фетисовым артиллерия ударила по второй позиции немцев, и наступление отряда возобновилось. Хотя и медленно, но шаг за шагом мы продвигались вперед. Как раз по центру наступления отряда находилось полуразрушенное, без крыши, красное кирпичное здание. Никто и предположить не мог, что немцы так быстро сумеют оборудовать его под пушечный дот! Из этого дота и ударили залпом несколько орудий! Сразу же загорелся головной танк, еще один и две самоходки были подбиты.

– Виктор! Машину в кустарник! – только успел скомандовать, как вражеский снаряд совырнул бруствер нашей траншеи! В бою все решают секунды – и гореть бы нам заживо, задержись я с командой хотя бы на миг!

С радостью увидел, что и левановская машина успела спрятаться, однако их теперь взял на прицел «нахорн». Схоронился «носорог» в кустарнике возле траншеи, и прицельный огонь по нему был практически невозможен. Но тут, обойдя левановцев, промчалась вперед самоходка комбата 4-й батареи Васи Поршнева! Узнавалась она по трем звездам на левом борту башни – знак трех уничтоженных экипажем танков. Трудно было догадаться о намерениях командира, но Поршнева был, пожалуй, самым опытным в полку офицером, а за рычагами его самоходки сидел Афанасий Захаров, один из лучших водителей, с железным уральским характером. Я не мог оторвать глаз от несущейся самоходки, а она на предельной скорости, с ходу ударила по «носорогу» и таранным толчком отбросила его на несколько метров! Одна гусеница «зверя» свалилась в траншею, и он уже не мог вести прицельный огонь – на то и был расчет Поршнева! Командир вышел из схватки победителем! Это был первый таран в полку! Но подвиг Поршнева как-то не получил должной огласки, видимо, из-за скромности самого героя. А мне тогда подумалось, что очень кстати на наших самоходках стоят гаубицы с их короткими стволами: если бы при таране ствол стукнул по броне вражеской машины, то всю гаубицу вбило бы в боевое отделение.

Дальнейшему наступлению отряда по-прежнему препятствовало кирпичное здание, наши снаряды, ударяясь о его толстые, старинной кладки стены, не наносили существенных повреждений, оставляя лишь небольшие воронки. Тогда как фашисты вели настолько интенсивный огонь из превращенных в амбразуры окон первого этажа, что о продвижении не могло быть и речи. В этот критический момент начштаба Фетисов и двинул грозные огнеметные танки КВ на вражескую цитадель. Шли они по следу самоходки Поршнева и, остановившись в кустарнике метрах в ста пятидесяти от торца здания, произвели залп. Два вулкана огня обрушились сверху на не защищенных крышей вражеских артиллеристов! Второй залп полыхнул в амбразуры, из которых торчали стволы орудий! Стрельба сразу прекратилась. Из здания доносились душераздирающие крики горящей орудийной прислуги и глухие взрывы снарядов с выбросами огня и черного дыма.

Миновав злополучное здание, танки и самоходки ворвались на рубеж вражеской обороны и начали утужить пехоту. Наша батарея вышла на артиллерийские позиции. Появились мы внезапно! Орудийная прислуга заметалась возле пушек, многие сразу обратились в бегство! Но не расчет орудия, на которое шла наша самоходка! Эти оказались фанатиками – не побежали, как другие, решили произвести выстрел в упор и уже разворачивали орудие в нашу сторону!

– Виктор, дави пушку! – скомандовал механику.

Виктор выжал полный газ и включил педаль главного фрикциона. Настал момент – кто кого!! Судьбу нашего экипажа и расчета орудия решали секунды! Или они нас сожгут! Или мы их раздавим! Нельзя дать противнику произвести выстрел! Самоходка летела на врага с такой скоростью, что мы не успевали фиксировать окружающее, не ощущали толчков, я понимал, если теперь вмешаться командой, это неминуемо замедлит действия водителя, потому полностью положился на его опытность. Разогнанная машина силой инерции обрушилась в сторону пушки высокое дерево! Но расчет успел произвести выстрел! Однако рухнувшее дерево качнуло ствол орудия – и снаряд прошел мимо! А у нас сначала сильно задрало нос машины, затем мы почувствовали металлический удар по днищу, скрежет, большой крен, еще подброс – и самоходка выскочила из капонира⁷! Олейник без моей команды, с ходу, пока враг не успел опомниться, перевернул и вторую пушку, оставшуюся без расчета! Затем, лихо свернув, поставил машину в садик возле дома – нужно было сориентироваться.

Открыв люк, я осмотрелся. Экипажи комбата и взводного Фомичева в дыму и густых облаках пыли от гусениц уничтожали живую силу и пушки неприятеля. Экипажи Леванова и Горшкова почти одновременно произведенными выстрелами зажгли самоходное орудие. Пехотинцы двигались следом за танками и самоходками вдоль немецких траншей, обстреливая из винтовок и автоматов уже начавшую отступать пехоту, а когда немцы бросались в контратаки, в ход шли штыки и приклады – большинство наших стрелков в ту пору были вооружены винтовками-трехлинейками с трехгранными штыками.

Двухчасовой бой накалил стволы орудий, в боевом отделении было жарко и душно, хотя мы периодически открывали люки, а вентиляторы работали на всю мощь. Но стрелять теперь приходилось реже, снаряды были на исходе, оставалась четверть боекомплекта, которую нельзя было расходовать без разрешения комполка, и ожидать пополнения не приходилось. Переключившись на внешнюю связь, только хотел доложить комбату о нехватке снарядов, как услышал в эфире голос Фетисова, открытым текстом он просил комполка подбросить «огурцов», как мы кодировали снаряды. И тут же сзади послышался шум мотора, оглянулся – это подходил «студебекер» со снарядными ящиками в кузове. За рулем сидел шофер из взвода боепитания Борис Пушков, рядом – старший санинструктор Валя Воробьева. Проскочили они буквально под жерлами немецких танков, доставив снаряды в самый нужный момент! Валя, выскочив из кабины, сразу побежала к раненым, а Борис развез снаряды, сначала к самоходкам, затем к танкам. Надо отдать должное мужеству этих ребят, 18-летнего парня из Верхнего Волочка и 19-летней девушки из Свердловска: они выполнили практически смертельный приказ! На машине были десятки метин от пуль и осколков! За этот подвиг оба по праву были награждены медалями «За боевые заслуги».

После пятнадцатиминутного огневого налета нашей артиллерии отряд, заправившись боеприпасами и уже совместно с главными силами, возобновил наступление. Не выдержав решительной атаки с фронта и фланга, противник оставил Глазуновку.

Люди обнимались! Поздравляли друг друга! Это была первая существенная победа после перехода в наступление! Все мы были до того чумадые, что узнавались только по глазам и походке! Зубы на черных лицах блистали такой белизной, что в наступающих сумерках нас можно было принять за негров!

Первое дело после боя – привести в боеготовность машину!

Свою самоходку мы берегли, как невесту, заботились, обслуживали – и, естественно, призывали к ней. Своевременно заправить топливом, отрегулировать, почистить, посмотреть контакты – это был закон. Мотор должен быть чистым, без подтеканий, пыли и грязи! Щупом регулярно проверяли уровень масла. Если подтекало на днище – протереть, приубрать, но обязательно старались находить место, откуда подтекает, или, может, пролилось при заправке.

⁷ Капонира – глубокий окоп для полного укрытия боевой машины, над бруствером должно выступать только орудие.

Пеклись и об орудии. После боя ствол неукоснительно чистили. Использовали для этого толстый деревянный пыж, обматывая его тряпкой, и банник – специальный прочный деревянный шест. Дело это было тяжелое. Вставляли пыж с дульной части и всем экипажем брались за банник, пробивали ствол от пороховых заусениц. Чистили тщательно, добиваясь внутри зеркального блеска. И обязательно зачехляли дуло! Не дай бог, попадет в ствол песок или камушек – «лилия» обеспечена! От помех снаряд мог сработать уже в стволе, и тогда взрывом разносило пушку, ствол «расцветал» острыми рваными «лепестками» наподобие цветка.

Трофейный пулемет тоже в любую минуту должен быть в рабочем состоянии. Это была вотчина заряжающего, и пулемет всегда был ухожен и смазан; не забывали и прихватить у немцев боезапас для верного помощника в бою. Можно добавить, что в вооружение самоходки входили два автомата ППШ, и все члены экипажа имели личное оружие, у меня всегда был пистолет, у остальных – револьверы системы «наган», и я следил, чтобы не забывали ребята их чистить и проверять.

После машин привели и себя в божеский вид, долго вытряхивали темно-бурую пыль из одежды, обуви, шлемов, отмывались от пота и грязи.

Затем последовал совмещенный с обедом ужин, но и тут никто не разошелся, бурно обсуждались подробности минувшего боя. В первую очередь всех интересовало, чьи были самоходки, что вырвались вперед на открытом фланге и одна из них сгорела. Экипажи окружили раненого наводчика Леню Зыкова, он рассказывал, как все происходило.

Комбат 1-й батареи старший лейтенант Белоусов решил на максимальных скоростях заскочить в рощу южнее Глазуновки и приказал экипажам поддержать его действия. Сергей Скуратов повел самоходку на предельной скорости, рыская по полю, чтобы избежать прямого попадания. Левее с той же скоростью мчалась машина лейтенанта Томина, его водитель Тимофей Поролов даже сумел обогнать комбатовскую самоходку. И тут вдруг экипажи увидели, что сарай, по которому комбат корректировал направление атаки, приподнялся и сразу осел – из сарая выполз «тигр»! Мгновенным выстрелом в упор он поджег вырвавшуюся вперед машину Белоусова. За прицелом его самоходки в тот момент находился лейтенант Кеньшинский, так как Зыкова ранило. Кеньшинский быстро развернул самоходку в сторону вражеского танка и произвел точный выстрел. Но одновременно выстрелил и немецкий танк. Обе машины загорелись. Николай Кеньшинский и Сергей Скуратов погибли. Комбат Белоусов был тяжело ранен.

– Еле-еле успел его вытащить, машина горела... – закончил свое горькое повествование Зыков, голос его сорвался, на глазах были слезы, он снял шлем и опустил голову.

Немцы были мастера на обман! Случай с сараем был не первым, и комбат Шевченко, собрав батарейцев, предупредил:

– Сегодня после боя погибли два солдата. Один поднял аккордеон, другой – часы в серебряном корпусе с позолоченной цепочкой. Так что не прельщайтесь на оставленное немцами, даже если это соблазнительные или дорогие вещи.

После этого случая мы взяли за правило строго предупреждать всех новичков, прибывающих на пополнение, об опасности «обманок», а зачастую, если хватало времени, ставили указки с надписью: «Мины!»

Между боями

Продолжая наступление, части корпуса освободили сотни населенных пунктов в Орловской, Брянской и Курской областях, и 19 августа сосредоточились в лесу в трех километрах юго-западнее населенного пункта Ивановское, где остановились надолго, готовясь к предстоящим боям.

Первым делом хорошо врылись в землю и надежно замаскировались. Затем смогли немного привести себя в порядок. На второй день помылись в палаточной бане.

Помывка – это блаженство! Бои непрерывные месяц, второй – какая тут баня?! А ведь лето, жара! Ну, и вши тут как тут. У нас, самоходчиков и танкистов, это не так было распространено, как в пехоте, но иногда, нечасто, были такие случаи. Мы тогда меры принимали, свое белье сбрасывали и надевали трофейное. У немцев белье было французское, шелковое и ячеи в нем: вошь с наружной стороны находится, скатывается по шелку, цепляется за ячеи и через них кусает. Даже и сейчас противно вспоминать. Так что предпочитали мы свое белье.

При первой же остановке, если на несколько дней встаем, интенданты стараются баню делать. Чаще под помывку палатки оборудовали, но если какой-нибудь сарай найдется, то в него камней натаскают, сделают каменку, разожгут, воду согреют – хоть как-то, а людей помнут. И белье, слава богу, заменят. Белье выдавали наше, у них-то трофейного не было. Танкисты да самоходчики, по отношению к другим родам войск, как кум королю жили. А почему! Трофеи всегда есть! А что бедняга-солдат?! Обмотки, шинель, винтовка, каска, противогаз, сумка с боеприпасами – всё на себе, еле-еле идет! А у нас на заднем броневом листе между выхлопными трубами печка была металлическая, крепилась она на четырех болтах, была довольно объемна и имела дверцу, которая плотно закрывалась. Эту печку мы использовали как вещевой и продовольственный склад, не в башню же все потребное класть. Правда, печкой как складом пользовались только зимой, но зимой и вшей было меньше.

К вечеру помывочного дня в распоряжение полка прибыл командир корпуса генерал-лейтенант танковых войск Богданов со своим начштаба полковником Рудченко. С комбригом танковой бригады и нашим комполка они обошли все подразделения, детально интересуясь состоянием боевых машин и настроением экипажей. В войсках корпуса ходили легенды о храбрости генерала Богданова. Несколько раз он на своем танке ночью ходил в тыл к немцам – громил штабы, захватывал знамена, секретные документы. Легенды подтверждались рассказами офицеров, знающих генерала близко. Да и богатырская, много больше двух метров, фигура генерала, решительное выражение лица внушали уверенность в успехе под началом такого командира. Той ночью я был дежурным по полку и услышал в штабе, что генерал Богданов передает свою должность комкора полковнику Рудченко, а сам принимает командование 2-й танковой армией. Этой армией он командовал до конца войны, с ним она получила звание гвардейской, а сам генерал стал маршалом бронетанковых войск и дважды Героем Советского Союза. Мне посчастливилось еще раз, в середине пятидесятых, встретиться с этим талантливым военачальником в Москве, в стенах Военной академии бронетанковых войск, где я тогда учился, а маршал Богданов был начальником академии. Тогда я и узнал о его боевом пути.

А в ту августовскую ночь сорок третьего после первого дня отдыха и помывки люди крепко спали, только часовые бдительно несли службу охраны да в поте лица трудились офицеры в полковом штабе, чередуясь в отдыхе. Замначштаба старший лейтенант Архипов кропотливо оформлял оперативные документы. Помощник начштаба старший лейтенант Степанов клеил карты и сильно ругался, когда по ошибке обрезал не ту рамку или приклеивал не тот лист, – нервничал, часто курил да и не стеснялся материться по-русски, хотя по национальности был украинцем, только с русской фамилией. За соседним столом помначштаба по строевой старший лейтенант Глуховцев и старший писарь старшина Петр Сенных оформляли наградные документы и писали извещения во все концы страны родным погибших. Не спал и начальник разведки Солдатов, составлял разведсводку.

Меня уже у выхода из блиндажа остановил Глуховцев:

– Теперь видишь, лейтенант, какая у нас тяжелая служба. А вы бездельниками нас считаете, «штабными крысами» называете. Вот как написать жене начштаба, что вчера его тяжело ранило? Дело деликатное. Конечно, напишу: майор Сергей Савинович Фетисов, храбро сражаясь с немецко-фашистскими захватчиками, в последнем бою возглавил три самоходки, уничтожил два вражеских танка и был ранен. Но если ранен, то надо написать, куда ранен, тяжело ли, легко. А вдруг у него руку отнимут, тогда мы окажемся злостными обманщиками. Вот ведь

в чем загвоздка, – он почесал за ухом. – А каково писать родителям, женам погибших?.. Так-то вот, дорогой товарищ, – завершил он свой монолог, глянув с горькой улыбкой мне в глаза.

Уже под утро, проходя мимо самоходки Леванова, я увидел, что на посту почему-то стоит сам командир. Но не стал ничего говорить. Потом около полудня вызывают офицеров в штаб полка на совещание по подготовке к бою. Идем, и я вижу, что он спотыкается на ровном месте, чуть не упал, – спит мой командир на ходу.

– Иван Петрович, ты разве ночью не спал? – спрашиваю.

– Так точно, не спал.

– А чего?

– Самоходку охранял.

– Как же, у тебя четыре человека в экипаже, почему ты-то охранял?

– У них у всех куриная слепота.

– В санчасть-то ходили?

– Ходили, а там ничего нет, даже пивных дрожжей.

– Сегодня же всех вылечу! – закруглил я разговор.

Сходили, совещание прошло. Когда совсем стемнело, разбудил Плаксина:

– Вася, сходи к левановцам, скажи экипажу тихонько, по секрету, что к нашей самоходке трофейный мед привезли, пусть идут с котелками.

Плаксин ушел, я посмотрел на светящийся циферблат, стрелки показывали начало первого. Моросил теплый дождик, небо закрылось темными-темными тучами, темень стояла такая, что, казалось, один ты остался во всем свете, всколыхнулась скорбь о погибших товарищах... От тяжелых размышлений оторвал меня приближавшийся с большой скоростью треск сучьев и грохот котелков – ага, бегут голубчики! В кромешной темноте, не видно ни зги да еще бурелом там сплошной, а они мчатся, сломя голову, без труда перепрыгивая ухабы, коряги! Подскачили к самоходке – и вдруг узрели меня! Растерялись, остановились обескураженные.

– Вот вам, а не мед! – показал им кулак. – Я вам такой мед покажу, такую куриную слепоту! Правнукам закажете, чтоб никогда ее не было!

Они головы повесили. Я резко добавил:

– Идите и несите службу!

Вот так и вылечил!

На этом инцидент был исчерпан. А с Левановым после поговорили наедине насчет допайка, и он стал делиться с экипажем.

Доппайк выдавали офицерам в качестве компенсации больших физических нагрузок. В боевой обстановке командир несет двойную, тройную нагрузку: это и ночные дежурства, и постоянные проверки службы охранения, и рекогносцировки, связанные зачастую с выползанием на наблюдательные пункты. И все это помимо каждодневных забот и тягостей, которые офицеры несут наравне с солдатами и сержантами.

Но на передовой, где мы все, бойцы и офицеры, вместе переносили холод, голод, страх, ранения, смерти, – здесь все ясно просматривалось, действия всех командиров, всех степеней. Здесь все качества человека проявлялись с беспощадной отчетливостью и столь же беспощадно, без скидок, оценивались. В том числе и скупость. А Леванов был скупой, по натуре скупой. Он свой паек сам втихаря ел, экипажу не давал. Я своего пайка не видел. Экипаж получал и вместе ели. Там и было-то всего ничего, один раз чай попили – и нет того допайка.

Спрашивается: справедливо ли было такое отношение экипажа к командиру? Должен ли командир делиться тем, что полагается ему по праву? Вроде бы несправедливо и не должен. Но, повторюсь, на передовой – свои законы. Тут правит не воинская иерархия, а человеческая. Значит, отношение экипажа было справедливо. В дальнейшем экипаж Леванова стал одним из самых дружных в полку.

Вот говорят «фронтное братство». По существу-то, братство это зарождалось после войны: когда встречаются после войны однополчане – вот это фронтные братья. На фронте были боевые друзья. Что это значит? Это значит: один должен выручать другого в бою, не прятаться за спину товарища, совместными усилиями побеждать врага. Спасать друг друга. У нас, в танковых войсках и САПе, машина горит – мы бежим к ней и, пока снаряды не начинают рваться, помогаем выскакать экипажу. Вслух об этом, взаимовыручке, не говорилось, не обсуждалось, но в полку каждый знал, что бороться за него будут до последнего. И каждый знал – кто есть кто. Был у нас один командир самоходки из Ивановской области – учитель, а трусоват. Додумался так воевать: люк открыт, у него длинная палка, сам за башней сидит и этой палкой механику командует: по голове стукнет – значит, «стой», толкнет в спину – «вперед», в левое плечо – «поворот налево», в правое – «поворот направо». Абрамов его фамилия была, учитель. Конечно, не все об этом знали – бой идет, кто там особо смотреть будет. Но кто рядом был, те видели. К таким относились недоброжелательно.

В один из дней перед обедом к Валерию Королеву подошел рядовой Ларченко, шофер оперуполномоченного Смерша, и что-то шепнул на ухо. Потом Валерий исчез. Появился он только часа через два, и я, улучив момент, спросил, зачем его вызывал лейтенант госбезопасности. Валера поежился:

– Да позавчера рассказал я ребятам, как у нас в колхозе женщины поинтересовались у односельчанки Дарьи, на кого учится ее сын Николай в Кургане, а она им ответила: «Не знаю, не то на Ленина, не то на Сталина». Ребята посмеялись, и все. А тут получилась вон какая кутерьма, лейтенант сказал: «Еще брякнешь подобное, быть тебе в штрафниках».

В лесу возле Ивановского мы простояли около двух недель, тщательно готовясь к предстоящим боям. Особое внимание уделяли ночным атакам, трижды проигрывали на ночных учениях совместные действия с танками и пехотой.

В свободное время пели песни, танцевали. Посмотрели несколько кинофильмов. Такое, фильмы, очень редко случалось, только когда стояли в лесу, обстановка позволяла. Тогда привозили киноустановку и, всем на радость, показывали кино. Помню, «Машеньку» смотрели, «Подвиг разведчика», «Возвращение Максима» – такие фильмы. А вот концертную бригаду, о них сейчас много говорят, всего один раз за всю войну видел – из Туркмении, а больше-то и не было. Но нам в эти немногие дни между боями казалось, что война отодвинулась куда-то далеко-далеко, хотя враг был совсем близко. Молодость брала свое даже в условиях смертельной опасности, ведь было мне тогда двадцать.

Глава пятая

ЧЕРНИГОВО-ПРИПЯТСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

23 августа – 23 сентября 1943

Гибель комбата Шевченко

Не успели заснуть после ночных учений, как прозвучал сигнал боевой тревоги. За какую-то четверть часа самоходки вытянулись вдоль опушек леса в походную колонну и, поднимая густые облака пыли, двинулись в юго-западном направлении.

Переход оказался тяжелым. Во тьме ночи и густой завесе пыли почти невозможно было рассмотреть два красных фонарика стоп-сигналов впередиидущей машины, так что и механикам, и командирам постоянно приходилось быть в предельном напряжении. Под утро полк сосредоточился в лесу возле населенного пункта Старшее Мельничье, сразу приняв боевой порядок для наступления. Наступать предстояло на село Посадка, расположенное на стыке Курской, Брянской и Сумской областей, поэтому противник оборонял село крупными силами.

Собрав командиров на опушке леса, комполка Самыко отдавал боевой приказ. С последними его словами загрохотали орудия – началась артподготовка атаки. Уже стоя в люке самоходки, я с волнением сравнивал карту с местностью. Впереди простиралось почти двухкилометровое ровное хлебное поле, наполовину убранное, заставленное грудями снопов. По левую его сторону находилось шесть сел, занятых немцами. За Посадкой – на доминирующей высоте располагалось село Сальное. Из трех сел вражеская артиллерия могла бить по нашему левому флангу прямой наводкой, и как раз там, крайним на левом фланге, предстояло наступать моему взводу. То есть обстановка для нас и в огневом, и в тактическом отношении была самая невыгодная.

– Товарищ лейтенант, почему так: две недели тренировались на ночные условия, а сегодня пойдем в атаку днем да по открытой местности? Отнюдь не хорошее это дело, – высказался обычно выдержанный Королев.

– Значит, Валерий, так надо, – ответил я коротко.

Приказ есть приказ. Я был бессилён что-то изменить.

– Емельян Иваныч, Василий, давайте быстро в артвооружение! – дал команду замковому и заряжающему. – Тащите пятьдесят дымовых гранат ручных, по двадцать пять на экипаж.

И наступление началось! Первыми рванулись в бой танки бригады, следом – наши самоходки и пехота! Грозное и устрашающее это было зрелище для обороняющегося противника! На узком участке фронта устремилось в атаку около сотни танков и самоходок, с десятков броневиков! И не менее тысячи бегущих за нами пехотинцев оглашали поле боя громоподобными незатухающими криками: «Урра-а-а! Урра-а-а!..»

И все-таки ошеломленный враг приходил в себя. Мы успели проскочить только около половины поля, а по атакующим уже била вражеская артиллерия! Била из самого села Посадка! Била из Сального – через головы своих войск! Особенно тревожил меня сильный огонь из Таборища и Березняка – по левому борту машин, что грозило большими потерями в технике. Но хуже всего приходилось пехотинцам, наступающим по огромному открытому полю! Ни холмика, ни кустарника, где хоть как-то можно укрыться! А били сотни пулеметов и автоматов, заставляя атакующих прятаться за идущими впереди танками и самоходками. Без всяких команд танки и самоходки резко увеличили скорость и пошли зигзагами, не давая вражеским

наводчикам поймать себя на перекрестье прицела. Снаряды рвались все ближе и ближе, окутывая боевые машины шапками дыма! Несколько танков уже загорелось! Болью отозвалось это в наших душах, каждый представлял, каково это – гореть раненому или выскакать обожженному в горящем комбинезоне! Но помочь попавшим в беду мы не могли! В атаке остановить машину – значит, погубить и себя, и дело! Неподвижная цель – неминуемая добыча врага!

Снаряды рвались впереди и за кормой, зачастую ударяя рикошетом о башню и корпус. Когда загорелись два танка на нашем фланге, дал команду Леванову «делай, как я!». Обе самоходки на максимальных скоростях выскочили на высоту и развернулись фронтом на Таборище, откуда вражеская артиллерия била прямой наводкой. Кустарник укрыл нас, и экипажи, быстро определив установки для стрельбы, незамедлительно открыли огонь. По пять выстрелов произвели наводчики Королев и Кузин – и вражеская артиллерия в Таборище прекратила огонь!

Взвод вернулся на основное направление наступления. Вражеская артиллерия по-прежнему сильно била из сел Сальное и Доброе Поле, на поле боя горело уже пять наших танков и одна самоходка! Еще пять машин, подбитые, стояли без движения! Но передовые подразделения уже зацепились за сады на восточной окраине Посадки! «Юнкерсы» с бреющего полета бросали на нас малокалиберные бомбы – видимо, противотанковые, и обстреливали из автоматических пушек, показывая свои зловещие черные кресты. Вася Плаксин из трофейного пулемета обстрелял несколько самолетов, выбивая искры из бронировки корпусов, отчего фашистские летчики вынуждены были прерывать атаку – раньше выходить из пикирования, а потом и вовсе стали обходить нашу самоходку да и другие машины батареи.

Маскируя машины, экипаж Леванова уже израсходовал все дымовые гранаты, и, когда мы начали утюжить на окраине сада немецкие траншеи, вражеский снаряд угодил в левый борт левановской самоходки. Машина загорелась. Первым из башни выскочил командир, успев дать команду: «К машине!» – то есть покинуть ее, и тут же упал без сознания. Мой экипаж гранатами, автоматами, длинными пулеметными очередями прикрыл левановский экипаж, на который уже стали насаждать из глубины сада автоматчики. Наводчик и заряжающий Леванова бросились к командиру, водитель с замковым затушили пламя, охватившее боевое отделение. По гусеничному следу подползли под градом пуль санинструкторы Алексей Волобуев и Николай Петров, подхватили и перенесли Ивана в траншею, стали накладывать жгут, чтобы остановить сильное кровотечение из перебитой ноги, нога оказалась полностью оторвана, держалась только на комбинезоне. Я тоже под пулями автоматчиков, выскочив из башни, спрыгнул в траншею, чтобы проститься с боевым другом. Ваня несколько раз приходил в себя, однако опять терял сознание, но руку мне слегка пожал, а я в этот момент думал, каково ему будет вернуться домой без ноги, где его ждут жена, трое детей...

Пора было возвращаться, но тут подошла самоходка комбата, он тоже хотел попрощаться с Левановым. Открылся люк, Шевченко начал вылезать из башни и вдруг пошатнулся – пуля попала ему точно в глаз. Пришлось нам уже двух наших товарищей на подошедшей самоходке Фомичева отправить в армейский госпиталь.

К большой нашей печали, комбат старший лейтенант Владимир Степанович Шевченко через два часа скончался, не приходя в сознание. Младшего лейтенанта Ивана Петровича Леванова эвакуировали в тыл. К сожалению, дальнейшей его судьбы я не знаю.

Ранены были все члены экипажа Леванова – осколками собственной брони, отбитой той самой болванкой, что лишила ноги их командира. Но никто не покинул машины. Как только скрылась, затерявшись в пелене дыма, самоходка Фомичева, мы продолжили ожесточенный бой с танками и артиллерией врага. Пехота и автоматчики уже вели рукопашный бой: в окопах, траншеях, ходах сообщения, дзотах – повсюду гремели пулеметные и автоматные очереди! Поле боя превратилось в какой-то адский котел! Земля дыбилась взрывами, клубами ядовитой гари! Грохотали орудийные выстрелы! Рвались гранаты, снаряды! Тысячи раскаленных осколков с визгом пронизывали пространство! В секундные промежутки сплошного гула внезапно

становились слышны истошные вопли раненых, треск горящих машин! Танкам и самоходкам наконец удалось прорваться на артиллерийские позиции. Одним из первых начал утюжить вражеские пушки левановский экипаж – давил ожесточенно и беспощадно! Не щадя! Вместе с прислугой! Справа от нас выскочила вперед самоходка лейтенанта Хлусова из 2-й батареи и с ходу раздавила пушку! Но сама машина одной гусеницей завалилась в траншею, превратившись в неподвижную мишень! Нужно было спасти попавший в беду экипаж, расчеты двух уцелевших орудий уже разворачивали стволы в сторону накренившейся самоходки! Но тут с примкнутыми ножевыми штыками пошла в контратаку оставшаяся за нами вражеская пехота! На том участке противостояли им молоденькие новобранцы, впервые участвующие в бою, – отстреливаясь, они начали отходить, что грозило потерей отбитых дзотов и огнем с тыла. Но сначала надо разделаться с пушками!

– Валерий! Осколочным! По пушке! Огонь! – мгновенно скомандовал наводчику.

Снаряд лег точно, всего на несколько секунд опередив выстрел фашистов! Я сразу же бросил дымовую гранату, так как мы не успевали ни произвести выстрел, ни отойти, прежде чем вторая пушка выстрелит по нам почти в упор! В этот момент откуда-то выскочила «тридцатьчетверка» – и с ходу выстрелила по второй пушке, перевернув ее вверх колесами! В голове промелькнуло: спасибо, друг, хоть и не знаю тебя, выручил!

– Вася! По пехоте, из пулемета! Огонь! – скомандовал заряжающему, и фашистская пехота залегла.

Под покровом дымовой завесы мы вытащили самоходку Хлусова и вместе продолжили наступление.

Танковый бой в центре боевого порядка начал стихать. Вражеские танки, отстреливаясь, отходили на Сальное, за ними пятилась и пехота. Когда мы выскочили на западную окраину села, немцы уже перевалили через высоту, разделяющую Сальное и Посадку.

Не успели экипажи поставить машины на новые огневые позиции, как произошел курьез, не удививший только бывалых фронтовиков. Из-за высоты со стороны противника вдруг показался танк! Он шел на нас на большой скорости, ведя огонь с ходу из пушки и двух пулеметов! Экипажи танков и самоходов мгновенно позаскакивали в башни и развернули пушки. День клонился к вечеру, но видимость еще позволяла вести прицельный огонь, смотрим в прицелы: что за черт! атакует-то «тридцатьчетверка»! Тут все закричали по радио шальному экипажу: «Прекратить огонь по своим!» Танк огонь прекратил. Подошел ближе и остановился. Из башни вылез сильно сконфуженный очень молоденький младший лейтенант, лицо покрыто красными пятнами, из-под шлема катятся по щекам крупные капли пота. Оказалось, все члены его экипажа первый раз участвуют в бою и во время атаки потеряли ориентировку. По правде сказать, такое нередко случалось и с более опытными экипажами. В танке легко сбиться с курса атаки: мчится танк на большой скорости в одну сторону, а его башня с пушкой может быть повернута совершенно в другую, и, если нет ярко выраженного ориентира, теряется основное направление движения.

Вечером мы узнали, что самоходки 4-й батареи Поршнева и 1-й батареи Поливоды разгромили в центре села немецкие тылы, уничтожив много автомашин, 6 орудий, 14 повозок и несколько десятков солдат и унтер-офицеров, оказавших сопротивление.

В наступивших сумерках на нашу батарею со стороны Сального выполз худенький чумазый мальчик лет двенадцати и, назвавшись Ваней, с детской поспешностью рассказал, что немцы убили его родных. Слезы на его глазах высохли уже давно, теперь они излучали ненависть – видно, все эти долгие три недели после гибели родных он искал случая, как отомстить врагу. Экипажи сначала накормили мальчика, затем вместе с ним выползли на высоту, откуда Ваня показал большие здания, в которых размещались у немцев склады с боеприпасами. Старший лейтенант Степанов, принявший командование нашей батареей, сразу сообщил эти сведения командиру полка и получил приказ уничтожить склады. Экипажи батареи скрытно под-

тянули самоходки к гребню высоты и, включив подсветку шкал, произвели по два прицельных выстрела. Затем спокойно вернулись на свои позиции.

Почти всю ночь горели вражеские склады! Ухали глухие взрывы рвавшихся мин, снарядов, гранат, а над высотой ярким фейерверком вздымались высоко в небо прыгающие языки пламени и целая гамма разноцветных ракет.

В отместку немецкие гаубицы и минометы всю ночь навесным огнем обстреливали из-за высоты наши позиции, и около двух часов ночи предприняли контратаку с двух направлений: пехотой и средними танками – из Сального, и тяжелыми танками с пехотой – из Поздняковки. Однако обе группировки попали в зону заградительного огня артиллерии, несколько танков подорвались на наших минных полях – и контратака противника захлебнулась.

А Ваня прожил у нас почти неделю, подкормили его, чтобы набрался сил, и переправили в тыл.

Удар в обход

Ночь была темной и тревожной. По всему фронту рыскали вражеские разведчики, выискивая слабые места в нашей обороне. Не дремала и наша разведка. Солдатову с лучшими разведчиками полка – старшим сержантом Егоровым и сержантом Потемкиным, удалось проникнуть в расположение войск противника и притащить «языка». На основании полученных разведанных командованием было принято решение продолжить наступление в обход Сального с севера.

Всю ночь саперный взвод полка старшины Воронцова и саперная рота бригады занимались разминированием проходов в минных полях, одновременно отбиваясь от наседавших фашистов. На рассвете, проходя мимо нашей батареи, Воронцов сказал, что они обезвредили и извлекли 245 противотанковых и противопехотных мин.

Утром 28 августа после короткой артподготовки соединенные силы бригады, полка и пехоты перешли в наступление. Внезапным ударом с ходу удалось прорвать единственную линию обороны противника, и наши войска устремились на Веселую Калину! И тут, уже на подходе к селу, мы были контратакованы выдвинувшимися из-за высоты танками и пехотой! На узком участке фронта и на короткой дистанции завязался ожесточенный встречный бой! С первых минут загорелись танки и самоходные орудия с той и другой стороны! Поле боя покрылось плотным гаревым туманом, лишь иногда через прощелины от сильных взрывов приоткрывалась на мгновение картина неимоверно жестокого сражения – столкновения лоб в лоб двух группировок! Обогнавшая нас «тридцатьчетверка» столкнулась с «пантерой»! Оба экипажа выстрелили одновременно, и оба сгорели вместе с танками! Перед нашей самоходкой из дыма появился танк Т-IV, орудие у нас было заряжено, и Валерий сразу нажал на спуск! Вражеский танк вспыхнул двумя синими языками над башней! Из экипажа никто не выскочил.

– Заслужили крематорий, гады! И патроны сэкономим! – услышали мы злорадную реплику Плаксина.

Отовсюду гремели выстрелы, из-за дыма вражеские танки не были видны, но по удаляющимся звукам выстрелов мы поняли, что немцы начали отходить. В этот момент самоходка лейтенанта Стебляева неожиданно столкнулась с «тигром». Гречин, водитель Стебляева, не ожидая команды, ринулся на таран и сильным ударом сбил гусеницу у «тигра»! Тут же добавил «хищнику» и другой экипаж, выстрелив в башню, – и немцы не выдержали, бросили танк, хотя он и не загорелся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.